

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Современные образовательные технологии»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

_____ А.В. Прохоров

_____ 20__ г.

Квалификация самоуправления

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2020.12373. ВКР

Руководитель работы

ст. преподаватель кафедры СОТ

_____ С.В. Полякова

_____ 20__ г.

Автор работы

студент группы ДО–570

_____ С.С. Наурбиев

_____ 20__ г.

Нормоконтролер

ст. преподаватель кафедры СОТ

_____ Е.Н. Бородина

_____ 20__ г.

Челябинск 2020

АННОТАЦИЯ

Наурбиев С. С. Квалификация самоуправства. – Челябинск: ЮУрГУ, 2020, ДО–570, 59 с., библиогр. список – 56 наим., 2 прил., 8 л. плакатов ф А4.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших самоуправство.

Цель работы – проведение комплексного уголовно-правового анализа положений отечественного уголовного законодательства об ответственности за самоуправство, а также практики их применения в целях выработки предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

В работе рассмотрены вопросы истории уголовной ответственности за самоуправство, определено понятие самоуправства в российском уголовном праве, дана криминалистическая характеристика самоуправства, рассмотрены объективные и субъективные признаки самоуправства, проанализированы квалифицирующие признаки самоуправства, а также рассмотрено отграничение самоуправства от преступлений против собственности и принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения и от превышения должностных полномочий.

Результаты работы имеют практическую значимость, содержат выводы, практические рекомендации и предложения автора по совершенствованию норм уголовного права, касающихся ответственности за самоуправство Российской Федерации и практики их применения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 САМОУПРАВСТВО КАК УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОЕ ДЕЯНИЕ	8
1.1 История уголовной ответственности за самоуправство.....	8
1.2 Понятие самоуправства в российском уголовном праве.....	14
1.3 Криминалистическая характеристика самоуправства	16
2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА САМОУПРАВСТВА (СТ. 330 УК РФ).....	22
2.1 Объективные признаки самоуправства	22
2.2 Субъективные признаки самоуправства	27
2.3 Квалифицирующие признаки самоуправства.....	34
3 ОТГРАНИЧЕНИЕ САМОУПРАВСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ.....	40
3.1 Отграничение самоуправства от преступлений против собственности и принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения.....	40
3.2 Отграничение самоуправства от превышения должностных полномочий	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	53
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Анализ уголовных дел по ст. 330 УК РФ.....	57
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Уголовные дела по ст. 330 УК РФ, по Челябинской области	579

ВВЕДЕНИЕ

Характеристикой правового государства служит делегирование значительного объема возможностей осуществления прав и свобод человека. На сегодняшний день можно говорить о том, что ни одна из первостепенных задач, поставленных на разрешение перед государством, не найдет решения в условиях отсутствия гарантий прав и свобод человека, а также без обеспечения должного порядка управления в государстве. Настоящая ситуация обуславливает необходимость для механизма государства, помимо выработки стабильных правил поведения субъектов социальных отношений, определение методов, приемов их защищенности и обеспечения. В связи с этим, важнейшей основой решения данных задач является обеспечение уголовно-правового регулирования, в том числе, разработка мер по пресечению и предупреждению самоуправных посягательств на охраняемые государством общественные отношения.

В настоящий период развития отечественного государства претерпевают изменение качественные и количественные характеристики самоуправства. Общественная опасность этого преступления состоит не только в увеличении числа данного посягательства, но и с изменением качественных характеристик вреда, причиненного в результате совершения самоуправства, изменяется также форма содержания отрицательных последствий, обусловленных актами самоуправных действий. Ранее, для самоуправных действий было свойственно причинение только имущественного ущерба, а также обусловленность тяжелым экономическим положением в стране, в настоящий период же объем последствий, причиненных самоуправством, определяется не только имущественным ущербом, детерминанты преступного поведения самоуправца также обуславливаются не только экономическими причинами, но и недоверием населения к установленным в законодательстве способам защиты своих прав, бессилием государственного механизма. Также характерные для современности тенденции в сторону усложнения экономических связей, нестабильность применяемых к ним мер по правовому урегулированию представляют возможность высказывать предположения о негативных последствиях такого хода событий.

Целью настоящего исследования является проведение комплексного уголовно-правового анализа положений отечественного уголовного законодательства об ответственности за самоуправство, а также практики их применения в целях выработки предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Задачи исследования с учетом поставленной цели заключаются в том, чтобы:

- рассмотреть историю уголовной ответственности за самоуправство;
- определить понятие самоуправства в российском уголовном праве;
- дать криминалистическую характеристику самоуправства;
- определить объективные признаки самоуправства;
- охарактеризовать субъективные признаки самоуправства;
- проанализировать квалифицирующие признаки самоуправства;

- рассмотреть отграничение самоуправства преступлений против собственности и принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения;
- охарактеризовать отграничение самоуправства от превышения должностных полномочий.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших самоуправство.

Предмет исследования – положения отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 330 УК РФ, практика их применения, научные исследования по вопросам уголовной ответственности за самоуправство.

Методологическую основу настоящего исследования составил общенаучный диалектический метод познания общественных явлений и процессов. Для достижения поставленной цели использовались общие и специальные методы сравнения, абстрагирования, метод системно-структурного анализа, исторический метод, сравнительно-правовой метод, динамические и статистические методы, метод прогнозирования и ретроспективного анализа.

Теоретической основой исследования явились работы таких российских ученых, исследовавших вопросы уголовной ответственности за самоуправство, таких, как В.Д. Меньшагин, И.Ю. Касницкая, М.В. Хомутов, Д.Р. Примов, В.Р. Сафаров, Н.А. Пребышевский, и других авторов.

Нормативно-правовую основу настоящего исследования составили положения Конституции РФ [1], УК РФ [2], ГК РФ [3].

Научная новизна данной выпускной квалификационной работы состоит в том, что она представляет собой комплексное научное исследование теоретических и практических аспектов уголовной ответственности за самоуправство, по результатам которого уточнены отдельные теоретические положения, касающиеся данного института, а также разработаны и внесены предложения по дополнению и уточнению законодательных норм РФ, регулирующих данные отношения.

Результаты работы имеют практическую значимость, содержат выводы, практические рекомендации и предложения автора по совершенствованию норм уголовного права, касающихся ответственности за самоуправство Российской Федерации и практики их применения.

Структура исследования, проведенного в данной выпускной квалификационной работе, определена его целью и задачами, и состоит из введения, трех глав, включающих в себя восемь параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

1 САМОУПРАВСТВО КАК УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОЕ ДЕЯНИЕ

1.1 История уголовной ответственности за самоуправство

Историческое толкование играет большую роль в раскрытии содержания действующего законодательства. Выдающийся русский ученый Н.С. Таганцев утверждал, что для исследования какого-либо правового института, существующего на данный момент, необходимо проследить его историческую судьбу, т. е. причины, обусловившие возникновение данного института, а также изменения, которые привнесены в него на разных этапах исторического развития [38, с. 84].

При обращении к источникам древнерусского права выясняется, что прямого упоминания о самоуправстве в значении, определенном УК РФ [2], отсутствует, но при этом, имеется множество статей, предусматривающих сходные по смыслу действия.

Во времена древнерусского государства, под самоуправством понималось не только преступление, но и способ защиты своих прав. Обычай мести – право самосуда потерпевшего над виновным – являлся одним из основных регуляторов общественных отношений [42, с. 91].

В Русской Правде отсутствует понятие самоуправства, однако есть положения, аналогичные имеющимся в действующем российском уголовном законодательстве. Так, Русская Правда предусматривает ответственность за уничтожение, самовольное перемещение межевых знаков, а также ограничивает перечень субъектов, наделенных правом мести – отец, сын, двоюродный брат.

Существенные изменения в законодательстве о самоуправстве приходятся на период XIII–XV вв., вызванные прежде всего развитием частной собственности, которые нашли свое выражение в Новгородской и Псковской судных грамотах. Данный этап характерен изменением отношения законодателя к самосуду: самосуд приобретает статус самостоятельного состава преступления. В Новгородской судной грамоте строго запрещается самовольная расправа «а до суда над ним силы не деять, а кто доспеет ино тым его и обвинить». В соответствии с данной нормой, любые насильственные действия, совершенные в отношении обвиняемого до вынесения приговора, неправомерны, лицо, нарушившее данное процессуальное предписание, подлежит ответственности. Аналогичную норму, закрепленную в ст. 26, содержит Псковская судная грамота, в которой истцу в случае доставки им ответчика запрещалось расправиться с ним [42, с. 92].

Законодательство России XV–XVI вв. не содержит общей нормы, которая бы регулировала ответственность за самоуправство. Но, так как в данный период истории действия, носящие признаки самоуправства, были весьма распространенным явлением в жизни общества, то в целях их предотвращения Михаил Федорович Романов издал Указ 1634 г., в котором устанавливалось, что никто, даже отец с сыном, не могли занимать денег друг другу или вступать в иные обязательственные отношения без записи за собственными руками с обеих

сторон; в противном случае выступающие с требованиями признавались подозрительными и могли лишиться своих прав на требуемое [28, с. 366].

В Соборном Уложении 1649 г.— одном из самых значительных памятников средневекового права – можно отметить намерение законодателя, направленное на предупреждение самоуправных действий. В подтверждение можно привести ст. 213 Соборного Уложения 1649 г., которая вменяет в обязанность обращение в суд для защиты нарушенных прав: «... искати судом, а собою не управливатися». Статьей 211 Уложения устанавливалась ответственность за самовольное завладение чужим земельным участком.

Также, Уложение предусматривала процедуру правежа к ответчику, не исполнившему своих долговых обязательств. Она заключалась в следующем: должника, уклоняющегося от своих обязательств, ставили рядом с приказной избой, оголяли ему икры и затем наносили удары палками по ним. При этом, правеж не являлся мерой ответственности, а был способом обеспечения исполнения обязанностей должника. В случае отказа от уплаты долга уже после правежа, должника передавали кредитору, которому он обязывался отработать свой долг [30, с. 92].

В эпоху правления Петра I, законодательство о самоуправстве претерпело ряд изменений, обусловленных прежде всего необходимостью регламентирования поведения военнослужащих. Так, Военский Устав 1716 г. устанавливал ответственность за самоуправные действия, под которыми понимались грабеж «без указа», запрет на который предусматривался 178 артикулом, однако, при этом, военнослужащим предоставлялось право на разграбление; самовольное квартирование (артикул 84), также запрещались самоуправные действия в отношении владельца квартиры.

Можно говорить о том, что в период правления Петра I произошла трансформация предмета самоуправства, если до этого самоуправство было связано с требованиями имущественного характера, то теперь самоуправство приобрело черты самовольного, насильственного действия, совершаемого с нарушением установленного законом порядка разрешения спора.

Следующий период развития законодательства о самоуправстве приходится на эпоху правления Николая I. В 1846 г. вступило в силу Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, о нем можно говорить, как о первом уголовном кодексе России: до этого в законах, регулирующих уголовно-правовые отношения, также присутствовали нормы других отраслей права. Законодатель расположил норму о самоуправстве в ст. 312 первой главы раздела IV «О преступлениях и проступках против порядка управления» Уложения, в которой самоуправство определялось как самовольное употребление соединенных с насилием мер в случае оказания какой-либо несправедливости или неисполнения законных требований, вместо удовлетворения требований в законном порядке.

В 1864 г. был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в котором самоуправство было расположено в одной главе с преступлениями против личности. В ст. 142 данного Устава устанавливалась ответственность за самоуправство, но не было представлено точного понятия самоуправства «за

самоуправство, а равно за употребления насилия, однако без нанесения побоев, ран или увечий».

Исходя из изложенного, можно сделать заключение об отсутствии определенной позиции законодателя относительно объекта самоуправства, по сути законодательными актами, принятыми в один период истории России (середина XIX века), самоуправство относят как к преступлениям против порядка управления, так и к преступлениям против личности.

Частично, проблема была разрешена в Уложении о наказаниях 1866 г., которое установило, что уголовная ответственность за самоуправство, регулируется положениями Уложения о наказаниях 1846 г. Так, к самоуправству относились: самовольные сопряженные с насилием действия, направленные на восстановление права (ст. 312); сопряженное с насилием возвращение незаконно захваченной вещи, принадлежащей на правах собственности (ст. 2176); нападение, соединенное с насилием, но не в целях грабежа и без нанесения побоев, ран или личного оскорбления (статья 2009). Все вышеизложенные составы преступлений должны иметь общий признак – совершение вопреки установленному законом порядку.

Проблемным оставался вопрос, о том является ли насилие конструктивным признаком самоуправства. По мнению И.Я. Фойницкого, самоуправство представляет собой только вид насилия. При этом, насилие определялось как использование силы против воли личности [41, с. 98].

Другую позицию по этому вопросу имел А. Лохвицкий, утверждавший, что самоуправные действия далеко не во всех случаях сопряжены с насилием. В подтверждение он приводит пример, когда не уполномоченное на то лицо, заявляет требование предъявить паспорт или другой документ [18, с. 134].

В целом, можно видеть, что в дореволюционный период истории России законодатель выделял в качестве основных признаков самоуправства – самовольность и насилие.

После Октябрьской революции 1917 г., политическую власть в стране возглавили Советы рабочих и крестьян, при этом новое политическое руководство одними из первых своих решений начало вводить запреты на обращение к законам своих предшественников на политической арене по целому ряду вопросов. На тот период, уголовное законодательство было выражено в форме отдельных правовых актов, которыми определялась уголовно-правовая ответственность за наиболее важные общественно опасные противоправные деяния. Не обделены вниманием законодателя при этом были и самоуправные действия. Например, в издании Наказа Камышевскому гласному народному суду, датированного 4 февраля 1918 г., самоуправные действия были отнесены к категории преступлений против личности, так, в ст. 61, устанавливающей ответственность за самоуправство, помещенной в раздел преступлений, связанных с насилием и угрозой.

Постановлением, определенном как обязательное, Совета Кузнецкого Уездного Комиссариата, самоуправные действия характеризовались в качестве посягательства на нормальные условия существования общества. Определяются

как недопустимые любые самовольные действия в отношении частных лиц в соответствии с пунктом 4 данного постановления, самовольное проникновение в помещения, принадлежащие частным лицам согласно пункту 10 постановления, самовольное завладение чужим имуществом согласно пункту 11 постановления. Исследователи подчеркивают, что деяние, предусмотренное пунктом 4 постановления, необходимо включать в группу преступлений против личности, а пункт 10 относить к преступлениям, посягающим на права граждан [33, с. 117].

В Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1922 г., самоуправство – самовольная реализация виновным своего действительного или же мнимого права, в процессе которой нарушаются аналогичные права потерпевшего, – было помещено в главу, охватывающую преступления, нарушающие порядок управления согласно статье 103 Уголовного кодекса РСФСР. В соответствии со статистическими данными, количество преступников, привлеченных к ответственности за самоуправные деяния, прогрессировало: так, в 1924 г. количество лиц, которые были осуждены по статьям, предусматривающим ответственность за самоуправство в Советской России – 4 тысячи 326 человек, а уже в 1927 г. свыше 19 тысяч человек [33, с. 118].

В целом, для политики страны советов было характерно ожесточенное противостояние самосудам, так как она рассматривала их в качестве подрывающей авторитет силы, создающей угрозу для нового государства.

Ученые полагали бесцельным помещать данный состав преступления в группу преступлений против личности или имущества. Так, исследователи того времени считали, что основополагающим признаком самоуправства является тот факт, что данный состав нарушает установленный законом правопорядок, детерминирующий права и свободы гражданина и в целом общества. Особое значение в детерминировании положения нормы о самоуправстве в уголовном законодательстве отводится такому элементу как самовольности, осуществления действий с нарушением порядка управления.

В рамках приведения примеров самоуправных действий ученые того периода указывают:

- самоуправные действия, когда виновный – владелец жилого помещения (самоуправное изъятие и перемещение имущества арендатора при неуплате);
- самоуправное требование исполнения долговых обязательств (изъятие имущества как мера, направленная на удовлетворение обязательства);
- самоуправное использование приусадебного участка, который по факту используют иные граждане.

Наличие недостатков в ст. 103 УК РСФСР 1922 г. о самоуправстве подчеркивал целый ряд специалистов. Авторы выражали не согласии с одним из элементов самоуправства – посягательство на подобное право иного лица, так как реализуемые права, зачастую не соответствуют с правом, которое нарушается. Так, подтверждением тому служат ситуации, в которых собственник изымает имущества у лица, которое его удерживает. Характерна позиция по данной проблеме М.М. Цыбулевского, который считал, что, исходя из положений законодательства, суд должен оценивать права сторон, при этом также определять

факт нарушения права иного лица. По смыслу ст. 103 УК РСФСР 1922 г., обосновано полагать со стороны законодателя невключение данного элемента в состав самоуправства и поменять на иной, позволяющий отделять данный состав от других противоправных действий. М.М. Цыбулевский предлагал изменить этот элемент выражением «самоуправство, осуществленное с насильственным посягательством на права владения иного лица» [44, с. 837].

Мнения ученых разделяются на две стороны при решении вопроса об отнесении насилия к конструктивному признаку состава самоуправства. В соответствии с мнением представителей первой группы (А.Б. Вроблевский, А.Н. Трайнин, С.П. Ордынский, А.Ф. Евтихийев), самоуправство всегда самовольные, то есть при отсутствии заявления требований перед органами власти, насилие обладателя реального или мнимого права в отношении иного лица. А.Н. Трайнин утверждал, что наличествует противостояние двух волей, признавая идеальный характер насилия, а не действительное в качестве принуждения к подчинению. А.Ф. Евтихийев признавал действительное насилие в действиях преступника.

Адепты иной позиции (С. Борисенко, В.В. Змиев) не соглашались с мнением указанных выше исследователей, так как полагали такое толкование чрезмерно узким. Юристы не возражали против такого положения законодательства, в соответствии с которым самоуправство подлежит наказанию без учета того, было ли оно совершено с насилием или же нет.

В УК РСФСР 1926 г., самоуправные действия снова были отнесены к преступлениям против порядка управления, что согласовывалось с мнением ученых. Например, В.Д. Меньшагин усматривал в общественной опасности самоуправства пренебрежительное отношение к порядку реализации лицами своих прав и свобод. Данная характеристика субъективной стороны состава позволяет А.Н. Трайнину расценивать самоуправство как преступление, связанное с пренебрежением к власти. Объект самоуправства исходя из статьи 90 УК РСФСР от 1926 года представляет собой законодательно установленный порядок реализации лицами своих прав. Самоуправство препятствует обеспечению оптимальных условий функционирования госаппарата: при совершении самоуправных действий имеет место осуществление лицами тех или иных прав помимо органов власти, поэтому этот состав предусматривается в главе об иных преступлениях против порядка управления. При самоуправстве могут быть нарушены и имущественные интересы граждан, не только личные, поэтому с таким же основанием можно было отнести самоуправство в главу об имущественных преступлениях [20, с. 43].

В УК РСФСР 1926 г. были внесены изменения прежнего законодательства о самоуправстве, при этом, под самоуправством понималось самовольное вопреки установленной власти, отправление иным лицом своего реального или мнимого права, которое оспаривается иным лицом (ст. 90). Некоторые ученые выразили одобрение положений закона, в котором не предусмотрена обязательность совершения самоуправства против воли пострадавшего, так как возможно нарушение и интересов государственных и общественных организаций, причем

совершение насилия не необходимо.

Положение нормы о самоуправстве в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г., в целом, не претерпело изменений. Самоуправство сохранило свое место среди преступлений против порядка управления, однако деформировалась диспозиция статьи о самоуправстве. Под самоуправством стало пониматься самовольное, с нарушением установленного законом порядка, осуществление своего реального или мнимого права, причинившее существенный вред иным лицам. При декриминализации состава самоуправства законодатель опирался на практику рассмотрения уголовных дел о самоуправных действиях, об освобождении лица, признанного виновным, от уголовной ответственности в силу незначительности вреда.

Затруднения у правоприменителя вызвали новые положения УК РСФСР, а именно ст. 199 (самоуправный захват земельного участка и самоуправное строительство), так как, до этого обстоятельство самоуправного занятия земель законом относились к отдельному виду самовольного поведения, то они зачастую так и оценивались в качестве самоуправства, по совокупности преступлений. Самоуправный захват земельного участка определяется самовольными действиями преступника, если он, не учитывая установленный порядок использования земельного участка, захватывал землю и использовал её.

Постоянным элементом данного состава являлось отправление виновным своего реального или мнимого права. Реальное право представлялось правом, в соответствии с которым виновный имел его на законном основании. Мнимое право представляло собой право, которое в реальности отсутствовало у лица. Но виновный ошибочно усматривал его как принадлежащее ему.

В целом, рассмотрев уголовное законодательство советского периода, некоторые вопросы и методы их разрешения на практике, указанные в правовой литературе этого периода, можно подытожить вышесказанное тем, что действующая редакция статьи о самоуправстве ст. 330 УК РФ собрала в себе совокупность оптимальных законоположений, при этом было оказано влияние практического опыта на принятие ряда решений. Так, например, оставив понятие о самоуправстве как противоправные действия против порядка управления, общественная опасность которого, в соотношении с аналогичным административным проступком, отмечается причинением существенного вреда, законодатель предусмотрел тот факт, что уголовная ответственность по ст. 330 УК РФ наступает и в том случае, если самовольно осуществляется не только действительное, предполагаемое право, но и иные действия, правомерность которых оспаривается потерпевшим. Совершение насильственных действий увеличивает степень ответственности. При помещении в статью квалифицированного состава ч. 2 ст. 330 УК РФ, отдельные виды причиненного вреда здоровью уже не обязывают осуществлять квалификацию по совокупности со статьями о преступлениях против личности.

Подводя итог рассмотрения отечественной истории развития законодательства о самоуправстве, можно сделать следующие выводы.

1. На начальном этапе под самоуправством понималось не только

преступление, но и способ защиты своих прав. Право самосуда играло значительную роль в разрешении споров. Несколько ограничили это право положения Русской Правды, введение которых было вызвано процессом феодализации государства и ослаблением в свою очередь частной власти.

2. Следующий этап в развитии законодательства о самоуправстве приходится на XIII–XIV вв. Данный этап характерен изменением отношения законодателя к самосуду: самосуд приобретает статус самостоятельного преступления, что обусловлено главным образом развитием института частной собственности.

3. В XV–XVII вв. законодатель также поддерживает тенденцию ограничения самоуправных действий, при этом принимается ряд норм, направленных на предупреждения самоуправства.

4. В XVIII в. изменения в законодательстве о самоуправстве были обусловлены прежде всего необходимостью регламентирования поведения военнослужащих. В эпоху правления Петра I произошла трансформация предмета самоуправства, если до этого самоуправство было связано с требованиями имущественного характера, то теперь самоуправство приобрело черты самовольного, насильственного действия, совершаемого с нарушением установленного законом порядка разрешения спора.

5. В XIX в., главные теоретические и практические проблемы определения самоуправства были сконцентрированы в следующих аспектах:

- а) соотношение публичного и частного элемента;
- б) связи самоуправства с насилием.

Бесспорными оставались следующие признаки самоуправства:

- а) направленность на реализацию действительного или мнимого права;
- б) самовольность, т. е. действия совершаются вопреки установленному законному порядку.

6. В советский период, генезис уголовной ответственности за самоуправство носил постепенный характер, и не был оставлен законодателем без внимания. Многие документы раннего советского периода носили предпосылки формирования нормы о самоуправстве. Уголовный кодекс 1922 г. закрепил в качестве преступного деяния в ст. 103 УК РСФСР самоуправство впервые и дал ему определение. Далее, последующие Уголовные кодексы РСФСР претерпевали существенные изменения, которые коснулись и рассматриваемого преступления.

1.2 Понятие самоуправства в российском уголовном праве

Самоуправство, согласно ч. 1 ст. 330 УК РФ – это самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред.

Как справедливо отмечается рядом исследователей [34, с. 126], данный состав преступления содержит следующие признаки, совокупность которых приводит к наступлению уголовной ответственности:

Во-первых, самовольное осуществление прав, вопреки установленному порядку. Виновный может реализовать не только свое действительное право, но и предполагаемое.

Во-вторых, правомерность данных действий должны оспариваться организацией или гражданином в судебном, административном или ином порядке. Оспаривание никак не конкретизировано и представляет собой несогласие, выраженное в любой форме.

В-третьих, данные действия должны нанести существенный вред. Данное понятие является оценочным и определяется с учетом конкретных обстоятельств дела. Вред может быть разнообразным: имущественным, физическим, организационным и др.

Вместе с тем, наряду с самоуправством, установленным нормами УК РФ, в действующем законодательстве существуют и смежные понятия, так, в ст. 12 ГК РФ [3] закреплен такой способ защиты гражданских прав, как самозащита права.

В научной литературе многие авторы, проводя отличие между самозащитой прав и самоуправством, отмечают, что при самоуправстве происходит самовольное совершение действий вопреки установленному законом или иным нормативным актом порядку. Речь идет исключительно о законах или нормативно-правовых актах, и расширительное толкование здесь не предусмотрено. При самозащите права не происходит действий вопреки установленному законом или иным нормативным актом порядку, как это делается при самоуправстве [5, с. 287].

Безусловно, с таким критерием разграничения следует согласиться. Если мы обратимся к толковому словарю С.В. Ожегова, то порядок – это последовательный ход чего-либо [24, с. 258]. Там же говорится, что последовательность предполагает последовательность каких-нибудь явлений [24, с. 184].

В случае с нормативно-правовым актом, такая последовательность предполагает конкретно-установленную цепочку определенных явлений, то есть деяний. Следовательно, самоуправство может иметь место лишь тогда, когда лицо не желает и не проходит через конкретно-установленную последовательность деяний.

Самозащита, наоборот, не закрепляя какого-либо порядка, устанавливает определенные границы. В ст. 14 ГК РФ, закреплено, что допускается самозащита гражданских прав. Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Однако, если мы обратимся к истории, то там порядок не всегда являлся критерием разграничения самозащиты права и самоуправства. Более того, зачастую эти понятия использовались как тождественные.

В работе Ж. Бодена «Шесть книг о государстве», мы можем найти весьма интересные взгляды. Так, он пишет: «Позволительно ли убивать законного князя, злоупотребляющего своею властью? Это Ж. Боден решительно отвергает, отмечая, что если князю действительно принадлежит верховная власть, говорит он, то не только отдельные граждане, но и все в совокупности не имеют над ним

права суда, а если над ним нет суда, то еще менее позволительно прибегать к самоуправству [8, с. 316]. Здесь стоит отметить, что при употреблении понятия самоуправство он подразумевает самоволие и произвол в отношении публичной власти, а именно князя. Если проводить сравнение с УК РФ, то деяние, описанное Ж. Боденом, будет подпадать под главу «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Данная глава находится в том же разделе, где и глава с преступлениями против порядка управления. Таким образом, у деяния, описанного Ж. Боденом и уголовно-правового самоуправства идентичны родовые объекты, но отличаются видовые и тем более непосредственные объекты посягательства.

Также интересен взгляд Б.Н. Чичерина. То, как преподнесено самоуправство Б.Н. Чичериным, отличается от представления уголовного законодательства РФ. Рассматривая точку зрения Локка на один из вопросов, употребляет понятие «самоуправства», при этом, отмечая, что кто пользуется покровительством гражданских законов, тот тем самым отказывается от самоуправления и предоставляет употребление силы общественной власти, следовательно, тем самым, следуя теории Локка, становится членом государства [45, с. 338]. В данном контексте, Б.Н. Чичерин рассматривает отказ от самоуправления как гарантию того, что лицо признало покровительство гражданских законов.

То есть, Б.Н. Чичерин под самоуправством понимал совершение каких-либо деяний вопреки гражданским законам. Но очевидно, что при данном понимании, самоуправством будет считаться абсолютно любое нарушение закона. И в этом случае, можно говорить о том, что в данном случае у Б.Н. Чичерина понятие самоуправления совпадает с понятием правонарушение.

Такое понимание весьма отличается от понимания Ж. Бодена и уголовного законодательства. Понятие самоуправления у Б.Н. Чичерина трактуется предельно широко по сравнению с УК РФ, в котором самоуправство – есть конкретное правонарушение, а не вся совокупность правонарушений. Сходство с уголовным законодательством можно заметить в том, что и в УК РФ, и у Б.Н. Чичерина, самоуправство будет всегда нарушение каких-либо норм, установленных законом. Но, однако, в УК РФ установлена конкретизация, что эти законы носят процедурный характер, у Чичерина же такое уточнение отсутствует.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно говорить о том, что взгляды на понятие самоуправления весьма неоднозначны. Данный состав преступления содержит следующие признаки, совокупность которых приводит к наступлению уголовной ответственности: самовольное осуществление прав, вопреки установленному порядку; правомерность данных действий должны оспариваться организацией или гражданином в судебном, административном или ином порядке; данные действия должны нанести существенный вред.

1.3 Криминалистическая характеристика самоуправления

Обстоятельства, подлежащие выяснению по делам о самоуправстве, составляют криминалистическую характеристику данного преступления.

Как отмечается в юридической литературе, понятие криминалистической характеристики преступлений используется многими учеными-криминалистами в качестве первого элемента частных криминалистических методик расследования преступлений [6, с. 111]. Р.С. Белкин включил в содержание криминалистической характеристики следующие элементы: способ совершения и сокрытия преступлений, характеристику личности преступника, свойства личности вероятной жертвы преступления, обстоятельства преступления (место, время, обстановка) [7, с. 306].

Вместе с тем, необходимо отметить, что у современных исследователей нет единства взглядов на число и название элементов частной криминалистической характеристики преступления, нет и общепризнанного мнения о числе и названии элементов криминалистической характеристики в общем, и самоуправства, в частности.

Так, Ю.В. Григорьева считает возможным называть следующие элементы криминалистической характеристики самоуправства:

- данные о типологических особенностях лица, совершившего самоуправства;
- данные об особенностях предмета преступного посягательства;
- данные о мотиве и цели преступления;
- данные о способах совершения преступления как средства достижения преступной цели;
- данные об обстановке совершения анализируемого преступления [10, с. 14].

С.И. Земцова считает, что криминалистическая характеристика самоуправства, должна иметь следующий элементный состав: способы совершения данного преступного деяния; обстановка совершения преступления; субъект преступного посягательства [13, с. 25].

При определенной схожести понимания названным автором вопроса о числе элементов криминалистической характеристики самоуправства, данный автор видит весьма широким круг положений, образующих содержание элемента, получившего у нее название «способы совершения самоуправства». В числе собственно элементов «способы совершения самоуправства» он указывает способ подготовки к совершению рассматриваемого преступления; орудие совершения преступления; механизм преступного посягательства; способ сокрытия преступления [13, с. 27].

Авторы, акцентирующие внимание на методических особенностях расследования самоуправства, предлагают считать в качестве элементов криминалистической характеристики следующие обстоятельства: личность преступника; способы совершения самоуправства; типичные материальные следы преступления данного вида; обстановка совершения указанного деяния [25, с. 337].

В специальных исследованиях, можно встретить взгляд на криминалистическую характеристику, когда из одного из элементов самоуправства выделяют, по сути, его подэлемент, который тоже предлагают считать самостоятельным элементом криминалистической характеристики

рассматриваемого преступления. Как отмечают исследователи, криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах, и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка). Все эти элементы составляют систему, то есть, связаны друг с другом [4, с. 467]. Здесь следует сказать, что мотивы и цели умышленного преступления характеризуют личность преступника, его мотивационную сферу и не могут быть «вырваны» из содержания понятия «личность преступника».

Разумеется, если предпринять рассмотрение личности как системного образования, то в качестве теперь уже этого системного образования можно считать мотивы и цели, отражающие взаимосвязь отдельных психологических черт личности как элементы названной системы. В противном случае в системе криминалистической характеристики преступления наличествуют образования разного по своему содержанию уровня.

Своеобразный взгляд на элементы криминалистической характеристики преступлений имеет С.А. Степанов. Исключительность данного подхода заключается в отнесении им к числу элементов криминалистической характеристики названного деяния такого обстоятельства, как причины и условия совершения преступления [37, с. 112], которое, как представляется, не имеет поисково-познавательной направленности: другими словами, даже тщательное знание причин и условий совершения любого преступления не дает информации, связанной с такими элементами криминалистической характеристики, как обстановка преступления, способ подготовки и т. д. В лучшем случае, следователь убедится при расследовании конкретного дела, что имелись причины и условия, схожие с уже выявленными причинами и условиями посягательства определенного вида.

Предпринятый анализ взглядов на криминалистическую характеристику преступления показывает важность точной криминалистической классификации преступлений. Правильно проведенная криминалистическая классификация позволяет взвешенно оценить различия во взглядах на элементный состав криминалистической характеристики преступлений определенного вида (группы преступлений).

Частные методики могут классифицироваться по объему (полные и сокращенные), по охватываемым видам преступлений (единичные и комплексные).

Касаясь такого важного в методологическом плане вопроса, как криминалистические классификации частных криминалистических методик, нельзя не сказать о соответствующих классификациях, даваемых учеными, а именно: наиболее важной классификацией, получившей свое выражение уже в первых отечественных учебниках по криминалистике, является разделение методик расследования по отношению к уголовно-правовым признакам

расследуемого события. В этой связи называют типичные и особенные методики расследования преступлений.

Другой значимой классификацией является классификация, различающая видовую и специальную классификационные группы. Последняя является особенной (специальной) методикой, в основу которой положены не все признаки преступления, а лишь некоторые, чаще всего один из них, например, личность преступника-рецидивиста. Соответственно, такая методика станет носить примерное название «Методика расследования преступлений, совершенных ранее судимыми лицами». В том случае, если в основание частной криминалистической методики будет положен признак группы, она будет называться «Методика расследования преступлений, совершенных группой лиц». Кроме названных обстоятельств в основу разработки особенных (специальных) методик расследования преступлений кладутся такие, как личность потерпевшего, способ сокрытия преступления, особое отношение лица к непосредственному предмету посягательства, преступный опыт лица, место совершения преступления и другие.

В продолжении криминалистической классификации самоуправства необходимо назвать классификацию, основанием которой выступает различающаяся криминалистическая деятельность, структурированная применительно к этапам названной деятельности. По отношению к этапам расследования выделяют «полные» и «сокращенные» методики расследования преступления. К первым относятся методики расследования, касающиеся всего процесса расследования, и такие методики занимают преимущественное место среди частных криминалистических методик. Во вторую группу методик включаются методики, содержащие изложение рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений на том или ином этапе расследования. Чаще всего, в силу особой значимости для успешного расследования преступлений первоначальных следственных действий и первоначального взаимодействия следователя с органом дознания и другими субъектами, такие методики посвящены расследованию на первоначальном его этапе, например, методика расследования самоуправства на первоначальном этапе [40, с. 642].

В целом, можно предложить следующие элементы криминалистической характеристики самоуправства:

- способ совершения самоуправства;
- механизм слеодообразования;
- личность преступника и потерпевшего;
- обстоятельства, подлежащие установлению.

Так, наиболее распространенными способами совершения такого преступления, как самоуправства, можно назвать:

- самовольное, не санкционированный правоохранительными или судебными органами государства, завладение имуществом должника с целью побуждения его к возврату долга;
- изъятие определенных документов, которые принадлежали лицу, потерпевшему от данного преступления, проведенному с нарушением установленного действующим законодательством порядка такого изъятия;

- угроза применения насилия в отношении должника или его знакомых или родственников, в качестве последствия при невыполнении его обязательства, связанного с возвратом долга;
- применение определенных действий насильственного характера в отношении потерпевшего от преступления лица, приведших к причинению вреда здоровью различной степени тяжести;
- незаконное лишение свободы передвижения в отношении потерпевшего от преступления лица (например, должника), либо его знакомых или родственников.

Следы совершения такого преступления, как самоуправство, можно обнаружить в документах, которые подтверждают проведение определенной сделки, а также в памяти свидетелей (идеальные следы), присутствовавшие при совершении самоуправных действий.

Потерпевшими от самоуправства, как правило, являются лица, ведущие себя противоправно или аморально. Их поведение может стать поводом для совершения в отношении них преступления. В то же время, потерпевшими могут выступать и добропорядочные граждане в тех случаях, когда преступник заблуждается о наличии у него какого-либо права.

Преступление может быть совершено как собственником (или предполагаемым собственником) имущества, так и другими лицами, по его просьбе. При этом, данные лица не преследуют определенной корыстной цели – после совершения преступления, возвращенное имущество отдают его законному владельцу.

В ходе расследования факта совершения самоуправства, необходимо выяснить следующие обстоятельства:

- какое право было осуществлено и кем;
- каков законный порядок осуществления данного права;
- в каких конкретно действиях выразилось произошедшее нарушение законного порядка осуществления данного права;
- кто допустил это нарушение;
- кем и как произведенные действия оспариваются;
- был причинен ли ущерб этими действиями, в каком размере, кому;
- существует ли причинная связь между самовольными действиями и наступившим вредом;
- является ли наступивший в ходе противоправных действий вред существенным.

В целом, проведенное в данном параграфе выпускной квалификационной работы исследование позволяет сформулировать общий вывод, что у исследователей нет единства взглядов на число и название элементов частной криминалистической характеристики преступления, нет и общепризнанного мнения о числе и названии элементов криминалистической характеристики в общем, и самоуправства, в частности.

Выводы по разделу 1

В ходе исследования рассмотрены особенности исторического развития

регламентации уголовной ответственности за самоуправство. Необходимо отметить, что самоуправство – это не только наказуемое деяние, но и явление, имеющие глубокие исторические корни, в разные периоды по-разному определялось понятие самоуправство и круг действий, которые считались самоуправными, только расширялся. В период советской власти, самоуправство считалось преступлением, подрывающим правопорядок и ослабляющее авторитет власти. Именно в советский период, понятие самоуправства было приближено к ныне действующему, установленному УК РФ. В дальнейшем, формальный состав был заменен на материальный.

Взгляды исследователей на понятие самоуправства весьма неоднозначны. Данный состав преступления содержит признаки, совокупность которых приводит к наступлению уголовной ответственности: самовольное осуществление прав, вопреки установленному порядку; правомерность данных действий должны оспариваться организацией или гражданином в судебном, административном или ином порядке; данные действия должны нанести существенный вред.

У исследователей нет единства взглядов на число и название элементов частной криминалистической характеристики преступления, нет и общепризнанного мнения о числе и названии элементов криминалистической характеристики в общем, и самоуправства, в частности. В ходе исследования были выделены и проанализированы следующие элементы криминалистической характеристики самоуправства: способ совершения самоуправства; механизм следообразования; личность преступника и потерпевшего; обстоятельства, подлежащие установлению.

2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА САМОУПРАВСТВА (СТ. 330 УК РФ)

2.1 Объективные признаки самоуправства

Рассматривая любой состав преступления, начинать следует с объекта преступления, поскольку именно он определяет общественные отношения, на которые совершается посягательство при совершении того или иного преступления.

В теории уголовного права, объекты преступления принято классифицировать по вертикали на: общий, родовой, видовой, непосредственный объект преступления; а также по горизонтали на: дополнительный и факультативный. Таким образом, для состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ также возможно выделить несколько объектов.

Общий объект преступления – достаточно условная категория, которая приводится для того, чтобы указать все общественные отношения, поставленные под уголовно-правовую защиту.

Общим объектом состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ являются все защищаемые уголовным правом общественные отношения.

В случае со ст. 330 УК РФ, родовой объект достаточно сложно увязать на практике с конкретным случаем самоуправства, поскольку родовым объектом являются «интересы государственной власти» – общественные отношения в сфере осуществления государственными органами и органов местного самоуправления совокупности полномочий, реализуемых в результате управленческой деятельности достаточно сложно воспринять, как преступлением, предусмотренным ст. 330 УК РФ, могут быть нарушены интересы государственной власти.

Д.Р. Примов определяет родовой объект самоуправства как охраняемые уголовным законом общественные отношения, носящие характер регулирующего и принуждающего воздействия, осуществляемые государством в лице его компетентных органов, наделенных определенной совокупностью полномочий, посредством реализации функций управленческой деятельности, а также деятельность граждан по обеспечению нормального функционирования органов государственной власти [29, с. 510].

Таким образом, самоуправство посягает на указанный объект в связи с тем, что в данном случае субъект преступления пытается, в нарушение закона, добиться результатов, которые должны достигаться путём реализации исключительно функций государственного аппарата.

В юридической литературе, учеными высказываются противоречивые суждения в отношении определения видového объекта преступления против порядка управления. Среди такого рода определений возможно увидеть следующие признаки:

– сторонами общественных отношений, выступающих видовым объектом самоуправства, являются: субъекты, наделенные властными полномочиями –

органы государственной власти и местного самоуправления и их должностные лица – и лица, в отношении которых эти властные полномочия реализуются [39, с. 218];

– отношения предполагают реализацию административных и распорядительных функций [22, с. 126].

Под видовым объектом состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, следует понимать не столько общее государственное управление, не управление на федеральном уровне, сколько общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации государственных функций и функций органов местного самоуправления на территориальном уровне [9, с. 105].

Непосредственным объектом рассматриваемого преступления является установленный порядок управления в сфере реализации личных прав граждан. По своей сути, самоуправство представляет собой реализацию действительного или предполагаемого права, принадлежащего виновному, в порядке, который напрямую противоречит установленным нормативным актам процедурам. Обязательным признаком самоуправства является специальный потерпевший. В этом качестве может выступать лишь лицо, по отношению к которому у виновного имеется действительное или предполагаемое право требования. Нарушение установленного порядка реализации права состоит именно в том, что виновный осуществляет свое право, самовольно вторгаясь в правовую сферу обязанного субъекта.

В рамках рассматриваемого преступления, дополнительный объект имеет место при квалифицированном составе преступления, предусмотренном ч. 2 ст. 330 УК РФ, которая закрепляет ответственность за совершение самоуправства с применением насилия или угрозой его применения, в связи с чем, дополнительным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК РФ является право человека на здоровье.

Обращаясь к анализу объективной стороны данного преступления, в первую очередь, необходимо отметить, что деяние при самоуправстве носит активный характер, на что специально указано в диспозиции – это самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий. Оно должно обладать такими объективными признаками как общественная опасность и противоправность. Общественная опасность проявляется в данном случае в причинении существенного вреда [39, с. 219].

Рассматривая вопрос признака противоправности при самоуправстве, следует отметить, что в данном случае она носит достаточно сложный характер, поскольку рамки, определяющие противоправность, не устанавливаются непосредственно ст. 330 УК РФ, нормы, закрепленные в данной статье, являются бланкетными. Иными словами, указанные нормы отсылают правоприменителя к другим нормативно-правовым актам. Иными словами, при самоуправстве имеет место влияние иных норм, определяющих иной порядок, который и нарушается при самоуправстве. Также, право виновного может быть мнимым, предполагаемым. В любом случае, самоуправство имеет место только в том

случае, если у виновного имеется действительное или мнимое право, в ином случае состав самоуправства выполняться не может. Подобные действия могут быть или непроступными, или проступными, но содержащими признаки иного преступления.

Здесь следует отметить несколько неудачную, по мнению ряда авторов, формулировку рассматриваемой статьи. Если раньше УК РСФСР 1960 г. связывал деяние лица, виновного в самоуправстве, с осуществлением им своего действительного или предполагаемого права, но с нарушением установленного порядка, то теперь, в ст. 330 УК РФ законодатель, формулируя понятие самоуправства, исключил этот важнейший признак, выражающий сущность данного преступления, и сделал иной акцент [9, с. 106].

Иными словами, если раньше акцент делался на то, что виновный осуществлял действительное или предполагаемое право, но с нарушением закона, то сейчас акцент делается на «оспариваемости его действий», а не на том, имеют ли эти действия под собой действительно попытку осуществления действительного или предполагаемого права.

В рамках такой конструкции статьи, возникает вопрос о том, в чем должно выражаться оспаривание права.

Анализ материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 330 УК РФ, показывает, что в приговорах, как правило, не указывается, в чем выражается оспаривание совершенного самоуправства. Судебные и следственные органы оставляют данный признак без внимания.

В литературе высказаны различные точки зрения по этому вопросу, их можно объединить в две группы:

- а) оспаривание – это объявление в той или иной форме заинтересованным лицом о нарушении своего (чужого) действительного или предполагаемого права самоуправным деянием;
- б) оспаривание – это презюмирующееся или выраженное в любой форме несогласие потерпевшего с формой реализации действительного или предполагаемого права виновного [46, с. 563].

Иными словами, оспаривание может быть в виде несогласия лица с материальной сущностью правоотношения, к примеру, не признание долга как такового, либо несогласие потерпевшего с формой реализации этого права (действительного или мнимого).

В данном случае, как кажется, возникают два достаточно противоречащих обстоятельства.

С одной стороны, представляется, что для квалификации данного состава не имеет значения, какая форма оспаривания имеет место, поскольку потерпевший может к примеру, быть одновременно не согласен с, к примеру, суммой долга, и с формой реализации этого права, к которой прибегает виновный, а в других случаях, виновный признаёт за собой обязательство, но исключительно не соглашается с формой реализации интересов виновного.

При этом, с другой стороны, при любом посягательстве, с целью к примеру, изъятия у потерпевшего ценного имущества, потерпевший будет против такого

изъятия, не согласен с тем, что его вещи могут быть изъяты, и с самой процедурой изъятия, очевидно оспаривая подобные действия.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что, действительно, в некоторой мере не хватает закрепления в ст. 330 УК РФ признака, что виновный должен реализовывать своё мнимое или действительное право. При этом, данное упущение в законе «сглаживается» практикой, но при этом и в ходе правоприменительной деятельности возникают определенные проблемы, которые связаны с наличием признака оспаривания с рассматриваемой статье, и с определением этого признака при квалификации деяний.

Так, возникают вопросы о возможности квалификации по ст. 330 УК РФ получения денежных средств в уплату долга, возникшего в результате проигрыша в азартные игры.

В данном случае, представляется, что самоуправство должно иметь место, однако, потерпевший согласился с требованием, и добровольно передал имущество, с вязи с чем состав самоуправства не усматривается, хотя в таком случае могут усматриваться признаки других составов преступлений.

В этой связи, следует отметить и тот факт, что под самоуправство могут быть «замаскированы» другие преступления, например, квалифицированное и особо квалифицированное вымогательство. При самоуправстве обязательным признаком является оспариваемость противоправных действий преступника со стороны потерпевшего, причем о наличии такого права должно быть известно виновному. Преступник должен понимать самовольность своих действий. Диспозиция ст. 330 УК РФ требует также такого обязательного признака, как причинение существенного вреда правоохраняемым интересам потерпевшего. Состав вымогательства не содержит указанных признаков самоуправства.

Однако, как уже было отмечено, признак оспаривания – достаточно сложен к доказыванию, сложно установить имело ли место оспаривание, либо нет, как оно было выражено, поскольку наличие действительного или мнимого права не зависит от того, было ли оспаривание.

В данном случае, преступники, маскируя квалифицированное либо особо квалифицированное мошенничество, в случае выявления подобного преступления, могут настаивать на том, что не вымогали чужое имущество, или право на чужое имущество, а пытались реализовать своё право. К примеру, они могут заявить о наличии определенных долговых обязательств у потерпевшего и т. д., при этом, указывая на то, что договор был устный, и никаких документов, подтверждающих обязательство потерпевшего, нет.

Таким образом, в отношении объективной стороны самоуправства, в первую очередь следует говорить о том, что:

- в ст. 330 УК РФ не закрепляется признак того, что виновный действует с целью реализации мнимого или действительного права;
- закрепляется признак оспаривания действий виновного потерпевшим, который достаточно сложен к доказыванию в практике, кроме того, согласие потерпевшего, к примеру, выдать какое-либо имущество, исключает признак оспаривания.

По поводу первого вопроса, следует отметить, что Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений признает, что самоуправство должно предполагать действие виновного в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права, несмотря на то, что в статье УК РФ закрепления этого нет [47]. Несмотря на то, что Постановление пленума Верховного Суда РФ не является нормативно-правовым актом, суды руководствуются подобными документами, в связи с чем данную позицию высшей инстанции следует учесть в данной работе и заключить, что объективная сторона должна предполагать наличие действительного или мнимого права у виновного на имущество. При этом, представляется необходимым также определить то, как это должно обосновываться доказываться, представляется что именно в этом случае имеет место бланкетность изучаемой нормы.

По поводу второго – признака оспариваемости – представляется, что в том формате, который имеется в конструкции состава рассматриваемого преступления сейчас, для наличия этого признака достаточно, чтоб потерпевший объявил о своем оспаривании, при этом, даже после совершения преступления, при этом, представляется что любое лицо будет несогласно с действиями любого виновного, который, к примеру, изымает какое-либо имущество, при этом потерпевший скорее всего будет озвучивать своё несогласие.

Если вред причиняется интересам организации, то факт оспаривания этой организацией действий виновного должен происходить с учетом норм гражданского и иного законодательства.

Следует отметить, что, несмотря на закрепление признака оспаривания потерпевшим действий лица, совершающего самоуправство, практически этот признак существует всегда, и квалификация деяния именно как самоуправства производится по другим признакам, например, по как это было сформулировано судом в Приговоре Магаданского городского суда [49].

На основании изложенных данных, следует сделать ряд выводов. Во-первых, объективная сторона данного преступления достаточно точно указана в законе, но, в тоже время, её признаки не всегда однозначно проявляются на практике. В указанном примере, в приговоре, непосредственно не отражается тот факт, что потерпевший имел именно претензии к «порядку» возвращения долга, избранного обвиняемым (самоуправство). Однако, в тоже время, не всегда можно проследить связь между совершаемым противоправным деянием и иными отношениями (например – долг), в связи с которыми (для «восстановления» которых) совершается самоуправство.

Если все оценивать исключительно таким образом, то, к примеру, любое имущественное преступление, когда потерпевший имеет материальные обязанности перед обвиняемым, следует квалифицировать как самоуправство. Однако, это, как представляется, будет не совсем верным. При расследовании таких дел, необходимо очень точно устанавливать факт предшествующего нарушения права потерпевшим, их предшествующего преступлению взаимодействия потерпевшего и обвиняемого, а также ряда отношения потерпевшего к деянию.

В целом, можно сформулировать вывод о том, что с позиции объективных признаков, рассматриваемый состав преступления вызывает споры в науке уголовного права и сложности в правоприменительной деятельности.

2.2 Субъективные признаки самоуправства

Важным элементом состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ (впрочем, как и любого другого), является субъект. В теории уголовного права признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление, делятся на две группы: первая – субъект преступления, вторая – личность виновного. Первая группа признаков важна при решении вопроса о квалификации совершенного деяния. Вторая оказывает свое существенное влияние на назначение наказания [39, с. 218].

Субъект преступления – это элемент состава преступления, который характеризуется совокупностью обязательных признаков, а также в определенных случаях – факультативных признаков, определенных составом конкретной уголовно-правовой нормы (специальный субъект).

Таким образом, под субъектом преступления понимается не человек и не личность, а юридическая условность – совокупность признаков, определяющих правовой, возрастной и психический статус лица, ответственного за совершение преступления. Субъект преступления – именно уголовно-правовой статус, имеющих несколько юридически значимых составляющих, необходимых для возникновения уголовной ответственности.

Понятие субъекта преступления как таковое в уголовном законодательстве не содержится. Вместе с тем, на теоретическом уровне данный элемент состава преступления рассматривается в виде совокупности признаков, указанных в главе 4 УК РФ.

Так, в ст. 19 УК РФ содержатся общие условия уголовной ответственности, которые совпадают с обязательными признаками субъекта преступления.

Ст. 19 УК РФ гласит, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ. Уголовной ответственности по действующему законодательству подлежат только физические лица. К их числу относятся граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. Юридические лица к числу субъектов преступления не относятся.

Согласно положениям, ст. 20 УК РФ, универсальный возраст достижения уголовной ответственности определен с 16 лет, а исключительный – с 14 лет. В ряде статей Особенной части может специально оговариваться иной, повышенный возраст субъекта преступления (например, в ст. 135, 150 УК РФ).

Таким образом, такая юридическая категория, как субъект преступления, обладает следующими основными признаками:

- физическое лицо – человек;
- вменяемое;
- достигшее возраста уголовной ответственности.

Рассмотрим каждый из этих признаков подробнее.

Субъектом преступления может быть только человек. Следует признать, что субъектом преступления не может быть животное, поскольку в силу физиологических особенностей, животное не способно оценивать роль свои действия, только человек разумный способен быть субъектом преступления. Таким образом, именно способность человека понимать общественную опасность своих действий или бездействия (не зависимо от того, понимает ли человек это в момент совершения преступления, или не понимает, но обязан понимать) позволяет человеку является субъектом преступления (также именно поэтому ключевую роль играет вопрос вменяемости).

Кроме того, субъектом преступления в Российской Федерации не может быть и юридическое лицо. Иными словами, даже если организация «поручила» сотруднику совершение противоправных действий в отношении должника, то ответственность будет нести лицо, непосредственно отдавшее распоряжение на совершение данных действий и (или) исполнитель.

Иными словами, субъектом преступления (а также – уголовной ответственности) может быть исключительно человек.

Следующим признаком субъекта преступления является вменяемость. УК РФ всех лиц, совершивших объективно противоправные деяния, подразделяет на следующие категории: одних называет вменяемыми (либо ограниченно вменяемыми) и подлежащими уголовной ответственности, других – невменяемыми и, соответственно, не подлежащими уголовной ответственности.

Вменяемость, как категория уголовного права, имеет свои специфические признаки, служит условием наступления уголовной ответственности, поэтому является самостоятельной проблемой уголовного права.

Вместе с тем, уголовное законодательство и поныне закрепляет лишь правовую норму о невменяемости. Невменяемость устанавливается лишь при возникновении обоснованных сомнений в психической полноценности лица. Проблема установления вменяемости благодаря данной презумпции нередко необоснованно упрощается практическими работниками (в первую очередь, следователями, так как у них изначально возникают или не возникают сомнения во вменяемости лица).

Традиционно в теории уголовного права рассматривается два критерия вменяемости:

- юридический критерий;
- биологический, или медицинский критерий.

Юридический (у ряда авторов – психологический) критерий невменяемости заключается в невозможности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния (интеллектуальный элемент) либо в невозможности руководить своим поведением (волевой элемент).

Медицинским критерием является определенное физиологическое состояние человека, которое как раз и определяет его возможность осознавать фактический характер своих действий и (или) руководить ими. В законе перечислены четыре биологических критерия невменяемости: хроническое психическое расстройство,

временное психическое расстройство, слабоумие и иное болезненное состояние психики.

Эти два критерия не равноценны. Юридический критерий вменяемости всегда определяется медицинским. Однако, процессуально, суд не связан доводами судебно-психиатрической экспертизы. Это означает, что установление биологического критерия не означает «автоматического» признания лица невменяемым, однако, заключение судебно-психиатрической экспертизы является доказательством, не учесть которое суд не может, если оно имеет прямое влияние на квалификацию деяния.

Иными словами, то, что человек обладает определенным заболеванием, не делает его невменяемым (в рамках оценки деяния), в тоже время, невменяемым не может быть признан человек, не обладающий определенными заболеваниями, однако судебно-психиатрическая экспертиза, её заключение, являются доказательством и именно это доказательство и является ключевым при определении данного признака.

На основании изложенного, возможно выделить признаки вменяемости лица.

Вменяемое лицо должно соответствовать одному из указанных ниже определений:

- не обладает заболеваниями, которые могли бы повлиять на способность осознания этим лицом общественной опасности своих действий, а также на способность руководить ими;
- имеет указанные заболевания (психические отклонения), но в момент совершения преступления, эти заболевания не исключили возможность руководства действиями и осознания их общественной опасности.

Иными словами, вменяемое лицо должно либо не иметь медицинского критерия невменяемости (что предполагает отсутствие и юридического), либо иметь медицинский критерий, который в соответствии с заключением судебной экспертизы, не исключил вменяемости.

Следующим признаком субъекта преступления является – достижения возраста уголовной ответственности.

Статьей 20 УК РФ установлено, что уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста. Это общий возраст уголовной ответственности. Он определен исходя из позиции специалистов о том, что к 16 годам лицо приобретает необходимые социальные и психологические свойства, дающие возможность полной и адекватной оценки своих действий. В этой связи по достижении 16-летнего возраста лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение любого преступления, в том числе и за совершение преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ.

Основные правоприменительные сложности, связанные с определением возраста лица, возникают в случаях «пограничного времени» совершения деяния и при неизвестности «паспортного» возраста. Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной

ответственности и наказания несовершеннолетних» [48], лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т.е. с нуля часов следующих суток.

Следует также разобраться, кто выступает субъектом преступления в конструкции состава преступления.

Исследование норм УК РФ, а именно ст. ст. 32, 33 УК РФ субъектами преступления являются:

- исполнители (выполняющие его объективную сторону);
- соучастники (организатор, подстрекатель, пособник).

Для данного состава преступления не свойственен организатор, однако, соисполнительствовать и осуществлять пособничество в данном преступлении – распространенная ситуация [15, с. 139].

Однако, следует отметить, что на квалификацию деяния и размер наказания конкретная роль в преступлении не влияет.

Уголовный закон не закрепляет каких-либо иных признаков для субъекта преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ. Таким образом, субъект данного преступления – общий.

В то же время, представляется удачным обратить внимание на одно обстоятельство, которое не указывается в законе, однако имеет место быть при совершении самоуправства.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, должен находиться в определенных имущественных отношениях с потерпевшим.

Самоуправство предполагает нарушение порядка совершения каких-либо действий. Иными словами, должен иметь место и порядок совершения этих действий, утвержденный законом, и, для наличия такого порядка, должно иметь место определенное правоотношение (не обязательно зафиксированное в письменной форме). В большинстве случаев, субъект преступления выступает в роли кредитора в рамках каких-либо правоотношений.

Здесь следует еще раз вспомнить о критике ст. 330 УК РФ, того, какую она имеет формулировку. Поскольку из текущей формулировки прямо не следует, что между субъектом и потерпевшим должно иметь место какое-либо отношение, однако указание на «нарушение порядка» позволяет рассмотреть цепочку, которая была описана ранее: «нарушение порядка» – «существует установленный порядок» – «если существует определенный порядок, то должны быть и отношения».

При этом, представляется что это условие необходимо упомянуть, поскольку, к примеру, если один человек должен второму денежные средства, а третье лицо (без взаимодействия со вторым) совершает противоправные действия (даже если в интересах второго), то его действия как самоуправство квалифицировать нельзя.

Таким образом, следует заключить, что имеет значение именно факт наличия определенного права (мнимого или действительного) у субъекта в отношении потерпевшего. Несмотря на отсутствие закрепления данного признака в уголовном законе, практика идет по сложившемуся пути. Так, к примеру, в Приговоре Советского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) указано,

что примерно в 21 час. 45 мин. Павлов Р.А., самовольно, вопреки установленному законом порядку, с целью возвращения денежного долга, нанес множество ударов руками и ногами по различным частям тела потерпевшему, причинив кровоподтек с раной в правой окологлазничной области, кровоподтеки лобной области справа, затылочной области слева, области правого коленного сустава, кровоподтек в области нижней челюсти справа, поверхностной раны слизистой оболочки левой щеки, не повлекшие вреда здоровью, после чего в качестве залога завладел сотовым телефоном по цене 10 000 рублей потерпевшего [50].

Таким образом, в приговоре отмечается, что субъект имел право на требование возвращения долга от потерпевшего, однако, в ином порядке.

Подобные данные содержит и Приговор Краснооктябрьского районного суд г. Волгограда (Волгоградская область). Согласно тексту данного приговора, примерно в 6 часов у Морозова М.А., находившегося в квартире, где он распивал спиртные напитки с Потерпевший №1, ФИО5 и Потерпевший № 2, возник умысел на самоуправные действия, а именно на самовольное изъятие велосипеда марки «TopGear» стоимостью 10 000 рублей, принадлежащего Потерпевший № 1, и оставление указанного велосипеда у себя в качестве залога до возврата последним денежных средств в сумме 1000 рублей, которые потерпевший одолжил у Морозова М.А. ранее [51].

Таким образом, следует сделать ряд выводов. Во-первых, субъект преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, с учетом положений ст. ст. 19 и 20 УК РФ – общий. Однако, конструкция статьи многими авторами оспаривается, а практика идет по пути выявления еще одного признака с субъекта – наличия права требования (мнимого или реального) по долговым обязательствам.

На основании изложенного, следует еще раз отметить, что ст. 330 УК РФ требует значительной доработки, а ст. 200 УК РСФСР 1960 г., как представляется, имела более точную формулировку.

Далее следует рассмотреть субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ.

В наиболее общем понимании, субъективная сторона преступления – внутреннее отношение субъекта к совершаемому общественно-опасному деянию.

В науке уголовного права существует множество определений субъективной стороны преступления, так как легальное толкование данного понятия в уголовном законе отсутствует.

И.Ю. Касницкая говорит о том, что под субъективной стороной преступления в науке уголовного права понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления [16, с. 1432].

Д.Р. Примов полагает, что субъективная сторона состава преступления – это элемент состава преступления, представляющий собой совокупность признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление с внутренней стороны, т. е. с точки зрения психических процессов, протекающих в сознании лица, его совершившего [31, с. 165].

По мнению С.С. Назарова, субъективная сторона преступления – это внутренняя психическая деятельность лица, непосредственно связанная с

совершением преступления. Данный элемент состава преступления характеризует внутренний мир этого лица, психические процессы, которые протекали в момент совершения преступного деяния [22, с. 127].

У.С. Толонбаев утверждает, что субъективная сторона преступления – это совокупность установленных уголовным законом признаков, характеризующих внутреннюю сторону общественно опасного посягательства (психическую деятельность), которая определяется конкретной формой вины, мотивом, целью посягательства, эмоциональным состоянием субъекта преступления. Всякое внешнее воздействие на человека заставляет его самоопределиться [39, с. 218].

По мнению Н.А. Пребышевского, субъективная сторона преступления – это психическое отношение виновного к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом в качестве преступления [29, с. 182].

Среди всех данных определений выделяются ряд сходных признаков, которые, как представляется, и являются ключевыми в определении понятия субъективной стороны преступления, в том числе, преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ:

- субъективная сторона преступления целиком и полностью связана с психикой человека;
- субъективная сторона преступления является отношением субъекта к совершаемому общественно-опасному деянию;
- субъективная сторона преступления является элементом состава преступления, иными словами, без определения её наличия – невозможно установить виновность деяния, привлечь лицо к уголовной ответственности.

Субъективная сторона преступления включает в себя следующие признаки:

- вина;
- мотив и цель.

При этом, мотив и цель не являются обязательными признаками субъективной стороны в каждом составе преступления, в то время как вина – обязательный признак.

Вина – понятие крайнее широкое, и проявляется вина не всегда одинаково. Существует ряд форм вины.

Вина, в зависимости от психического отношения лица к совершенному правонарушению. Вина может быть в форме умысла и в форме неосторожности. Умысел может быть прямым и косвенным. Неосторожность, в свою очередь, подразделяется на небрежность и самонадеянность (легкомыслие).

Состав преступления, предусмотренный ст. 330 УК РФ, предполагает вину исключительно в форме умысла.

Умысел может быть прямым и косвенным. Для разделения этих видов умысла используются интеллектуальный и волевой элементы.

Интеллектуальный элемент предполагает область осознания человеком деяния, его последствий и причинно-следственной связи, а волевой – желание человека, его отношение к этому.

Интеллектуальный элемент прямого умысла заключается в том, что человек

осознаёт общественную опасность своих деяний, и последствий, которые эти деяния могут повлечь. Волевой же элемент заключается в том, что субъект желает наступления этих последствий.

Косвенный умысел, с позиции интеллектуального элемента, характеризуется тем, что субъект осознаёт общественную опасность своих деяний, и последствий, которые эти деяния могут повлечь, однако, в данном случае волевой элемент заключается в том, что субъект не желает наступления этих последствий, но в тоже время допускает их, либо относится к ним безразлично.

Однако, здесь следует оговориться о том, что субъект преступления зачастую не осознаёт, что его деяния являются преступными, поскольку считает, что восстанавливает своё нарушенное право. В тоже время, преступным является именно нарушение порядка восстановления нарушенного права. При этом, не имеет значение, осознаёт ли субъект, что, нарушая порядок восстановления права, он сам совершает преступление (при наличии прочих признаков), поскольку не знание закона не освобождает от ответственности.

Таким образом, рассуждая о форме вины при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ, следует сказать, что по отношению к своим самовольным действиям у субъекта имеется прямой умысел, несмотря на то, что он может не осознавать противоправность этих действий, а к последствиям в виде причинения существенного вреда, умысле может быть прямым или косвенным. Иными словами, если человек отбирает у своего должника имущество, он осознаёт свои действия, однако, может относиться безразлично к тому, что они принесут существенный ущерб для потерпевшего.

Рассматривая ч. 2 ст. 330 УК РФ, следует сказать, что действия субъекта, связанные с применением насилия или угрозой его применения – совершаются с прямым умыслом и по отношению к самим действиям и к их последствиям. То есть, совершая насилие, преступник осознаёт свои действия и желает наступления последствий в виде причинения вреда.

Следует также более подробно остановиться на цели данного преступления. Конструкция статьи 330 УК РФ не закрепляет положений о цели совершения данного преступления, однако, следуя все той же логике, о том, что «нарушение порядка» – «существует установленный порядок» – «если существует определенный порядок, то должны быть и отношения» – «если существуют определенные отношения, то у каждой из их сторон есть определенная цель в этих отношениях». Иными словами, какое-либо преступление может быть совершено без цели. Однако, гражданско-правовые отношения возникают с определенными целями, и спорящие в них стороны также преследуют определенные цели, соответственно лицо, которое совершает самоуправство, то есть действия, с нарушением порядка, преследует определенную цель, которую возможно было бы достичь и законным путём.

Несмотря на то, что в конструкции состава преступления цель не закрепляется, на практике зачастую цель выделяется [35, с. 50].

Так, из текста Приговора Центрального районного суд г. Читы (Забайкальский край) следует, что в ноябре 2018 года, Сумароков С.В. являясь потребителем

наркотических средств, передал ранее знакомому ему О. денежные средства в сумме 10 000 рублей, для приобретения «закладки» – наркотического средства. Однако О., Сумарокову «закладку» не передал, оставив у себя денежные средства в сумме 10 000 рублей, принадлежащие Сумарокову, указав, что позже вернет их. В период времени с 18 часов до 20 часов, Сумароков С.В. приехал к ранее знакомым ему Б. и О., где потребовал вернуть принадлежащие ему 10 000 рублей. Однако Б. и О. сказали, что ни какие денежные средств у Сумарокова не брали и ни чего ему не должны. Внезапно у Сумарокова, решившего предпринять меры по отношению к Б., с целью принуждения последней вернуть принадлежащие ему 10 000 рублей, возник преступный корыстный умысел, направленный на самоуправство с применением насилия в отношении Б. [52].

Кроме цели, в данном приговоре также указывается и корыстный мотив, однако, ст. 330 УК РФ таких признаков не закрепляет.

При этом, следует отметить, что не в каждом приговоре закрепляется мотив или цель преступления, существуют и другие обстоятельства. В то же время, к примеру, если при причинении вреда здоровью цель может быть расплывчатой, или как определенная цель вообще отсутствовать, то у самоуправства, как представляется, практически всегда присутствует определенная цель, которая и должна достигаться установленным законом порядком, но при этом закрепление такого признака в конструкции ст. 330 УК РФ отсутствует.

На основании изложенного, следует сделать вывод о том, что с субъективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 330 УК РФ характеризуется прямым умыслом к совершаемым деяниям, прямым или косвенным умыслом к последствиям в виде причинения существенного вреда, прямым умыслом к последствиям в виде вреда здоровью. Цель конструкции данного состава не закрепляется, однако, в ряде случаев указывается в правоприменительных актах.

2.3 Квалифицирующие признаки самоуправства

Квалифицирующими признаками самоуправства законодатель в ч. 2 ст. 330 УК РФ определил применение насилия, а также угрозу применения насилия.

Насилие в уголовном праве интерпретируется как оказание всякого воздействия на жизнь, здоровье, права человека, носящее противоправный и общественно опасный характер. Так, У.С. Толонбаев понимает под насилием нанесение ударов, побоев, ранений и другие воздействия на внешние покровы тела человека путем использования физической силы, оружия, других предметов, а также на внутренние органы посредством отравления [39, с. 218].

При этом, в УК РФ не конкретизирован характер насилия, применяемого в рамках квалифицированного самоуправства, что вызывает ряд вопросов относительно объема насилия. Среди ученых преобладает следующая позиция по данной проблеме: насилие в самоуправстве включает в себя побои, причинение вреда здоровью легкой и средней тяжести, исключая тяжкий вред здоровью (в этом случае деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений со

ст. 111 УК РФ). В случае причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений со ст. 118 УК РФ. Данная позиция основывается на сравнении санкций ч. 2 ст. 330 УК РФ и санкций других статей уголовного кодекса. Обоснованной является точка зрения М.А. Дудыревой, который, указывая на отсутствие конкретного определения тяжести насилия, делал вывод о том, что оно может быть и опасным, и не опасным для жизни и здоровья.

Но, в случаях, когда за насилие предусмотрено более строгое наказание, нежели по ч. 2 ст. 330 УК РФ, то оно квалифицируется уже дополнительно с рассматриваемой статьей [11, с. 94].

Например, в приговоре Курчатовского районного суда г. Челябинска (Челябинская область) по обвинению ФИОб, указано, что ФИОб совершил самоуправство с угрозой применения насилия и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека. ФИОб, находясь в состоянии алкогольного опьянения, желая вернуть долг в размере 500 рублей, самоуправно потребовал у Н.В. телефон. Получив отказ, ФИОб подверг Н.В. избиению в результате чего последнему был причинен тяжкий вред здоровью. После чего Н.В. достал свой телефон, который ФИОб незаконно забрал себе, сказав, что вернет его после уплаты долга. Суд квалифицировал действия ФИОб по ч. 2 ст. 330 и ч. 1 ст. 111 УК РФ [53].

При квалификации насильственного самоуправства, необходимо различать случаи, при которых насильственные действия являются способом совершения самоуправства и когда эти действия совершаются вне реализации умысла на самоуправство. Так, насилие будет расцениваться в качестве способа совершения самоуправства, если оно осуществляется до или во время реализации умысла на самоуправство в целях подавления воли потерпевшего, понуждения к выполнению предъявленных ему требований, при этом такие действия квалифицируются по ч. 2 ст. 330 УК РФ. Однако, насильственные действия, совершенные уже после самоуправства, в результате негативных взаимоотношений, вызванных самоуправными действиями, следует квалифицировать отдельно.

Например, в соответствии с Приговором Миасского городского суда (Челябинская область), ААА., находясь в состоянии алкогольного опьянения в течение ссоры с несовершеннолетним КАА, которая возникла в результате неприязненных отношений, действуя умышленно, нанес КАА два удара кулаком по голове, причинив побои. После чего, ААА привел КАА на площадку для отдыха, где самовольно, с целью понудить КАА находиться рядом с ним, потребовал у КАА передать принадлежащий ему мобильный телефон. Судом действия ААА были квалифицированы по ч. 1 ст. 116 и ч. 1 ст. 330 УК РФ. Такая квалификация судом действий ААА по совокупности преступлений объясняется тем, что побои в данном случае не могут расцениваться в качестве способа совершения самоуправства, так как ААА наносил побои не в рамках реализации преступного умысла на самоуправство, что следует из обстоятельств рассмотренного дела [54].

На практике, квалифицированный состав самоуправства зачастую связан с:

- с действиями, нарушающими конституционные права потерпевшего, например, незаконное проникновение в жилище;
- с причинением имущественного ущерба;
- с причинением морального вреда.

В данных случаях, каких-либо больших затруднений при уголовно-правовой оценке содеянного не возникает.

Относительно же квалификации насильственного самоуправства, не связанного с причинением вышеперечисленного вреда, авторы высказывают разные точки зрения. Например, ряд исследователей отмечает, что при оценке последствий, наступивших в результате совершения насильственного самоуправства, возможно утверждать наличие в содеянном существенности вреда, причиненного потерпевшему, в случае, если этими действиями был причинен вред жизни или здоровью потерпевшего даже при отсутствии других последствий. Так, Н.В. Мельник считает, такие самоуправные действия необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 330 УК РФ. При этом, он расценивает данный состав преступления формальным [19, с. 112].

Другой позиции придерживается Н.А. Пребышевский, усматривающий в насильственном самоуправстве сложное преступление, содержащее несколько последствий:

- причинение существенного вреда потерпевшему, обусловленное нарушением порядка управления,
- последствия, носящие физический характер, вызванные применением насилия [27, с. 182].

Таким образом, данный исследователь допускает квалификацию содеянного виновным по ч. 2 ст. 330 УК РФ, исключительно в случае наличия существенности вреда, причиненного потерпевшему.

Законодатель также предусмотрел в качестве квалифицирующего признака самоуправства угрозу применения насилия. Относительно самоуправства угрозу следует понимать, как выраженное в любой форме: словесной, письменной или в демонстрации действий, намерение совершить какие-либо насильственные действия применительно к потерпевшему. Факт того, что законодатель усмотрел в угрозе применения насилия квалифицирующий признак, соответствует содержанию основного состава самоуправства, в связи с тем, что предполагает характерное для самоуправства понуждение против воли потерпевшего к совершению каких-либо действий, а также бездействию. Наряду с насилием, угроза его применения выступает в качестве способа подавления воли потерпевшего, навязывания выполнения предъявленных ему требований.

Угроза применения насилия должна быть реальной. При этом, реальность угрозы определяется объективными и субъективными критериями. Объективный критерий угрозы состоит в том, что виновный исходя из объективной ситуации располагал возможностью её реализации, например, физическое превосходство. Субъективный критерий заключается в восприятии ее потерпевшим как действительно наличествующую, при этом необходимо учитывать, что виновный

надеялся конкретно таким образом оказать воздействие на потерпевшего.

Так, например, в соответствии с Приговором Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область), ФИО1 передала по договору наследства своей дочери ФИО2 дом с земельным участком. После смерти ФИО1 Г.Н.А. отказался от принадлежащей ему по наследству 1/2 доли в квартире. При этом между ФИО2 и Г.Н.А. состоялась устная договоренность о том, что Г.Н.А. может проживать в квартире, принадлежащей ФИО2. Г.Н.А. посчитал, что имеет право на передачу ему в собственность дома с земельным участком, так как отказался от доли в квартире, реализуя мнимое право, Г.Н.А. высказал в адрес ФИО2 требование о передаче ему в собственность участка и дома. После того как ФИО2 отказалась добровольно осуществить его требование, Г.Н.А. высказал угрозу убийством в адрес ФИО2, в подтверждение которой схватил её за шею рукой тем самым, нанеся телесные повреждения, не причинившие вреда здоровью. Угрозу убийством ФИО2 восприняла реально и в сложившейся ситуации, в силу физического превосходства Г.Н.А., опасалась за свою жизнь (объективный критерий реальности угрозы применения насилия). Действия Г.Н.А. были квалифицированы по ч. 2 ст. 330 УК РФ [55].

Суд в вышеприведенном приговоре не допустил ошибки при квалификации содеянного виновным, так как самоуправство, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, квалифицируется по ч. 2 ст. 330 УК РФ, при этом, отсутствует необходимость в дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ, что объясняется меньшей тяжестью данного преступления.

Также, необходимо учитывать, что угроза может быть адресована как определенному лицу, так и его родственникам, другим лицам, чья жизнь и здоровье, заведомо для виновного, дорогие для потерпевшего.

Так, например, согласно Приговору Еткульского районного суда (Челябинская область), А.Г.О. вступил в преступный сговор с неустановленными лицами, дело в отношении которых выделено в отдельное производство, целью которого явилось требование от К.И.В. возврата предполагаемого денежного долга вопреки установленному законом порядку. С этой целью А.Г.О. совместно с другими лицами на своем автомобиле прибыли к торговому центру. После чего, А.Г.О., находясь вблизи торгового центра подошел к автомобилю К.И.К. и потребовал у К.И.К. возврата ее мужем К.И.В. предполагаемого долга в пользу Баранова С.Н., у которого на тот период времени имелся гражданско-правовой спор с К.И.В. относительно купли-продажи земельного участка и расположенного на нем жилого дома стоимостью 60 млн. рублей. При этом А.Г.О. высказал угрозы применения насилия в отношении членов семьи Котельникова И.В. После чего А.Г.О. с целью запугивания и понуждения К. вернуть долг высыпал содержимое пакета в автомобиль К.И.Ю., а именно отделенную верхнюю конечность и две ушные раковины неизвестного человека после чего с места происшествия скрылся. Суд квалифицировал действия Аракелова Г.О. по ч. 2 ст. 330 УК РФ [56].

В ч. 1 ст. 330 УК РФ предусмотрено, что совершение самоуправства возможно

исключительно в форме действия. При этом, в ч. 2 ст. 330 УК РФ, закрепляющей квалифицированный вид самоуправства, говорится по факту, что самоуправство, сопряженное с насилием или угрозой применения насилия, может совершаться как в форме действия, так и бездействия, в статье звучит такая формулировка – «то же самое деяние». В свою очередь, деяние определяется как акт человеческого поведения, выраженный в форме действия и бездействия. Отсюда, следует заключение, что законодатель увеличил объем элемента объективной стороны квалифицированного состава преступления по сравнению с основным составом, что не допустимо, если исходить из общих правил законодательной техники.

Для решения данной проблемы, ряд исследователей предлагает заменить формулировку «то же самое деяние» на используемую в главном составе с присоединением квалифицирующего элемента, то есть самоуправство, совершенное с применением насилия или угрозой его применения [16, с. 1433].

Оптимальным вариантом разрешения данной проблемы является замена в диспозиции ч. 2 ст. 330 УК РФ слова «деяние» на «действия», так как самоуправство совершается исключительно в форме действий.

В целом, в рамках подведения итогов по рассмотрению квалифицированного состава самоуправства можно сделать следующие выводы.

1. Под насилием в самоуправстве требуется понимать побои, причинение вреда здоровью легкой и средней тяжести, расцениваемые в качестве способа совершения самоуправных действий. В случаях, когда за насилие предусмотрено более строгое наказание, нежели по ч. 2 ст. 330 УК РФ, содеянное квалифицируется уже дополнительно с указанной статьей. Так, например, при причинении тяжкого вреда здоровью содеянное квалифицируется по совокупности преступлений со ст. 111 УК РФ.

2. Насилие будет расцениваться в качестве способа совершения самоуправства, если оно осуществляется до или во время реализации умысла на самоуправство в целях подавления воли потерпевшего, понуждения к выполнению предъявленных ему требований. Однако, насильственные действия, совершенные уже после самоуправства, в результате негативных взаимоотношений, вызванных самоуправными действиями, следует квалифицировать дополнительно.

3. Угрозу применения насилия в самоуправстве следует понимать, как выраженное в любой форме: словесной, письменной или в демонстрации действий, намерение совершить какие-либо насильственные действия в отношении потерпевшего.

4. Угроза применения насилия должна быть реальной. При этом, реальность угрозы определяется объективными и субъективными критериями. Объективный критерий угрозы состоит в том, что виновный исходя из объективной ситуации располагал возможностью её реализации. Субъективный критерий заключается в восприятии угрозы потерпевшим как действительно наличествующей, при этом необходимо учитывать, что виновный надеялся конкретно таким образом оказать воздействие на потерпевшего.

Выводы по разделу 2

Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, является установленный порядок осуществления прав и исполнения обязанностей. Дополнительный объект самоуправства альтернативен, и в целом, он зависит от того, каким интересам причинен вред в результате совершения преступления.

Объективная сторона самоуправства выражается в самовольном, вопреки установленному законом порядку, совершении определенных действий, правомерность которых оспаривается. При этом, обязательный признак объективной стороны самоуправства – общественно-опасные последствия, представленные в виде причинения существенного вреда, и причинная связь между произведенными действиями и последствиями.

Субъект самоуправства, общий – это вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона самоуправства характеризуется прямой или косвенной умышленной виной.

Квалифицированный состав данного преступления образует самоуправство, совершенное с применением насилия или угрозой его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ). Насилие будет расцениваться в качестве способа совершения самоуправства, если оно осуществляется до или во время реализации умысла на самоуправство в целях подавления воли потерпевшего, понуждения к выполнению предъявленных ему требований. Угрозу применения насилия в самоуправстве следует понимать, как выраженное в любой форме: словесной, письменной или в демонстрации действий, намерение совершить какие-либо насильственные действия в отношении потерпевшего. Угроза применения насилия должна быть реальной.

3 ОТГРАНИЧЕНИЕ САМОУПРАВСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

3.1 Отграничение самоуправства от преступлений против собственности и принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения

Состав самоуправства представляется достаточно сложным, особенно в части отграничения его от некоторых других составов, в первую очередь, от преступлений против собственности.

Преступления против собственности – это общественно опасные деяния, которые распространяются на права собственника по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом; деяния (в том числе угроза применения), которые могут причинить собственнику имущественный ущерб. Преступления против собственности выделены в отдельную главу 21 УК РФ. К числу преступлений против собственности, в соответствии с УК РФ, можно отнести: кражу; мошенничество; присвоение или растрату вверенного чужого имущества; грабеж; вымогательство; неправомерное завладение автомобилем; умышленное повреждение или уничтожение имущества; уничтожение или повреждение имущества по неосторожности.

В свою очередь, самоуправство относится к преступлениям против порядка управления, то есть общественно-опасным деяниям, посягающим на деятельность государственных органов управления, должностных лиц с причинением вреда или угрозой такого причинения охраняемым законом интересам личности, организаций, государства.

В первую очередь, разграничение самоуправства от преступлений против собственности необходимо проводить по объекту преступления. Непосредственным объектом в самоуправстве выступают те общественные отношения, которые регулируют основанный на законе порядок реализации прав субъектов, имеющих определенные обязанности. Факультативными объектами будут считаться личная неприкосновенность и здоровье потерпевшего. Собственность в случае самоуправства не всегда играет роль ключевого фактора, так как желание восстановить нарушенную справедливость не всегда основано только на имущественных отношениях (не является предметом спора) [36, с. 146].

В общественно-опасных деяниях против собственности, основным объектом выступают общественные отношения в сфере охраны реализации имущественных прав. Касательно факультативной стороны преступлений необходимо рассматривать каждое из преступлений в этой сфере по отдельности. Например, в хищении имущества имеются дополнительные и факультативные объекты: в краже это неприкосновенность жилища; в грабеже – неприкосновенность жилища, а также личная неприкосновенность; в разбое – жизнь и здоровье лица, а также неприкосновенность жилища.

Потерпевшим, как одним из квалифицирующих признаков, в самоуправстве выступает лишь обязанный по отношению к совершившему преступлению обязанный субъект, так как по своей сути данное деяние направлено на реализацию права, возникшего из правоотношения между сторонами. В

преступлениях против собственности, уголовное право не устанавливает никаких особых требований по отношению к потерпевшим (лица, владеющие имуществом на праве собственности), за исключением ст. 160 УК РФ – потерпевшим будет являться лицо, которое вверило в установленном порядке своё имущество виновному, а виновный распорядился им по своему усмотрению.

По признакам объективной стороны рассматриваемые составы преступления могут иметь внешне схожие черты в случае, когда идет незаконное изъятие имущества, находящегося в собственности у потерпевшего. В случае присутствия фактора хищения имущества уполномоченному лицу необходимо изучить остальные элементы состава преступления и установить, имела ли место корыстная цель у виновного. В объективной стороне самоуправства обязательным признаком будет деяние, выражающееся в самовольной с нарушением установленного порядка реализации права, последствия, причинная связь между ними, а также обстановка, характеризующаяся особыми взаимоотношениями между виновным и потерпевшим [36, с. 148].

Субъектом в самоуправстве, исходя из нормы уголовного закона, является лицо, имеющее по отношению к виновному действительное или предполагаемое право требования. Необходимо отметить, что субъектом самоуправства не может быть должностное лицо, так как преступления против порядка управления совершаются подвластными в отношениях социального подчинения субъектами.

В преступлениях против собственности, как правило, предусмотрен общий субъект, за исключением ст. 160 УК РФ. Отличительной особенностью субъекта в преступлениях против собственности и самоуправстве выступает возраст наступления уголовной ответственности. За некоторые преступления, посягающие на имущественные отношения, предусмотрено наступление уголовной ответственности с 14 лет (кража, грабеж, разбой, угон автотранспортных средств), самоуправство же относится к тем преступлениям, за совершение которых ответственность наступает с 16 лет.

При совершении преступлений против собственности, основную мотивацию для преступника составляет корыстная цель, то есть желание обогащения за счет другого. Особенно это ярко выражено в преступлениях, связанных с хищением. При самоуправстве наличие корыстной цели исключено – виновный не стремится к обогащению, им движет лишь желание восстановить свои нарушенные права, получить причитающееся, должное. Субъективная сторона самоуправства характеризуется в большем количестве случаев косвенным умыслом, при котором виновный осознает самовольность в «восстановлении справедливости», вопреки законному порядку совершает действия, правомерность которых оспаривается.

Далее, необходимо более детально рассмотреть особенности отграничения самоуправства от вымогательства, так как данные преступления имеют достаточно много общих признаков.

Одним из критериев разграничения самоуправства от вымогательства выступает предмет преступления. Так, согласно диспозиции ст. 163 УК РФ, предметом вымогательства является чужое имущество, то есть такое, на которое виновный не имеет ни предполагаемого, ни действительного права. Поэтому,

требование передачи собственного имущества, даже если оно и сопровождается угрозами или насильственными действиями, описанными в диспозиции ст. 163 УК РФ, не может быть квалифицировано как вымогательство, такое деяние представляет собой самоуправство [28, с. 208].

При самоуправстве корыстная цель отсутствует. Состав вымогательства с субъективной стороны характеризуется наличием ряда психических процессов, происходящих в сознании преступника. Данные процессы взаимосвязаны между собой и в целом полностью охватывают преступную деятельность вымогателя, без данных процессов фактически невозможно совершение вымогательских действий. Вымогательство осуществляется только с прямым умыслом (который состоит из двух моментов: интеллектуального и волевого). В частности, умыслом преступника, совершающего вымогательские действия охватываются следующие элементы: непосредственное содержание требования, заявленного при вымогательстве (также обязательно наличие осознания факта о том, что данное требование будет удовлетворено абсолютно безвозмездно), фактическое отсутствие каких-либо прав на предмет вымогательских действий (иными словами абсолютная противоправность вымогательских действий), осуществление воздействия на психику лица; осознание пути осуществления принуждения, соединенного с угрозой; осознание восприятия потерпевшим угрозы как реально возможной к осуществлению. Иными словами, лицо совершающее вымогательские действия обязательно должно осознавать их опасность и противоправность.

Интеллектуальный момент умысла помимо осознания лицом общественной опасности и противоправности своих действий должен включать в себя предвидение. Иными словами, если осознание представляет собой внутреннее отражение объективных фактов и обстоятельств материального мира, то предвидение обращено на будущие обстоятельства, общественно опасные последствия. Однако, как показывает анализ уголовно-правовой литературы, многие авторы рассматривают интеллектуальный момент умысла только в контексте осознания преступником общественной опасности своих действий, тогда как последствия (предвидение) остается за пределами предметов научного исследования субъективной стороны состава вымогательства. Данная позиция не совсем верная, и в виду этого мы можем полностью согласиться с мнением исследователей, которые отмечают, что в составе вымогательства обязательным элементом субъективной стороны (умысла) является предвидение преступником причинения материального ущерба потерпевшему, по итогу окончания вымогательских действий.

Осознание виновным в преступлении лицом общественной опасности своих действий всегда означает предвидение данным лицом наступления тех или иных общественно опасных последствий. Исходя из этого можно сделать вывод, что предвидение общественно опасных последствий полностью включает в себя осознание общественной опасности преступных действий, т. е. сознание дублирует предвидение.

Исходя из всего вышеизложенного можно отметить, что субъективную

сторону вымогательства следует рассматривать максимально объемно, учитывая при этом те преступные вымогательские действия, которые были совершены, и цель их совершения. При этом, в обязательном порядке, на наш взгляд, интеллектуальный момент умысла должен включать в себя предвидение преступником наступления общественно опасных последствий.

Волевой момент умысла состава вымогательства характеризуется желанием принудить потерпевшего к совершению тех или иных действий имущественного характера посредством определенного вида угрозы (физического/психологического насилия), а также желанием обогатиться, получить имущественную выгоду. Учитывая данное утверждение, не вполне достаточно рассматривать волевой момент умысла состава вымогательства лишь как только желание довести до потерпевшего определенное имущественное требование, которое сопровождается угрозой (насилием) либо же желание совершить преступные действия, рассмотренные в объективной стороне.

Таким образом, преступник, совершая вымогательство, осознает, что он противоправно принуждает лицо к совершению в пользу него действий (бездействий) имущественного характера посредством угрозы (насилия), которые реально представляют опасность для лица (или его близкого), предполагает причинение данному лицу определенного имущественного ущерба в виду совершения требуемого, и сознательно желает посредством своих вымогательских действий извлечь для себя материальную выгоду.

Некоторые составы вымогательства предполагают и наличие косвенного умысла. Так, при квалифицированном вымогательстве (п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ) – вымогательство с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего или его близких, предполагается наличие косвенного умысла в отношении потерпевшего и его близких в части осуществления вымогателем в отношении них насильственных действий. Преступник предполагает наступление общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью потерпевшему или его близким, желает причинения данного вреда, при этом сознательно допускает определенные общественно опасные последствия (причинения тяжкого вреда здоровью, вреда здоровью средней тяжести и т. д.).

Также, как и иным преступлениям, направленным на неправомерное обогащение, составу вымогательства свойственна корыстная цель. При этом, закон корыстную цель в качестве обязательного признака вымогательства никаким образом не подразумевает. Корыстная цель представляет собой определенный преступный результат, к достижению которого стремится субъект преступления. В случае с вымогательством, корыстная цель представляет собой достижение получения определенной имущественной выгоды – передачи право на имущество, получение определенной денежной суммы, заключение сделки и т. д. Таким образом корыстная цель представляет собой не просто субъективное отражение безвозмездности и противоправности вымогательства, но и сознательное желание обогатиться подобным путем.

Отсутствие в действующем уголовном законодательстве указания на корыстную цель при вымогательстве не вполне соответствует тому вниманию,

которое законодатель уделил данному признаку при характеристике иных однородных преступлений, сгруппированных, также, как и вымогательство, в рамках главы 21 УК РФ. Данный подход не вполне обоснован в виду следующего: во-первых, абсолютно некорректно законодательно устанавливать в рамках одной главы закона, при характеристике однородных преступлений, данный признак в качестве обязательного в одних составах и необязательного в иных; во-вторых, представляется, что указание на корыстную цель является необходимым условием для выделения квалифицирующего признака «в целях получения имущества в особо крупном размере» (п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ). Таким образом, корыстная цель должна быть четко обозначена в тексте ст. 163 УК РФ [5, с. 286].

Таким образом, самоуправство отграничивается от вымогательства, в первую очередь, по двум основным признакам – наличие у субъекта реального или мнимого права на имущество при самоуправстве, и отсутствие корыстного мотива [28, с. 209].

При этом, при вопросе определения у лица права на имущество, необходимо обращаться к нормам гражданского права.

Так, в соответствии с нормами ГК РФ, установлены следующие основания возникновения обязательств: договоры, односторонние сделки, административные акты, причинение вреда и другие неправомерные действия, иные действия, события. Если действия виновного будут основаны на одном из перечисленных обстоятельств и добросовестном заблуждении о наличии у него предполагаемого права в отношении требуемого имущества, то его действия необходимо квалифицировать как самоуправство. При этом, ряд исследователей отмечает, что обязательства у соответствующего субъекта должны возникнуть без принуждения со стороны управомоченного лица. В противном случае, действия виновного образуют состав вымогательства [12, с. 209].

То есть, например, если виновный принуждает потерпевшего составить фиктивную расписку о долге, то действия виновного по изъятию этого «долга», нарушающие порядок, не могут расцениваться как самоуправственные, но как вымогательство. Разница заключается в том, что при самоуправстве стремление лица – не обогащение, а восстановление своих прав.

Необходимо отметить, что определенные сложности возникают с определением различий между ст. 330 и ст. 179 УК РФ. Данные сложности обусловлены понятием сделки, закрепленном в ст. 153 ГК РФ, согласно которой сделка подразумевает на установление, прекращение или изменение прав и обязанностей (гражданско-правовых). То есть, например, принуждение лица к подписанию договора дарения имущества, в счет погашения долга, фактически является принуждением лица к совершению сделки – дарения, в ходе которой у него прекращается право собственности на определенное имущество, но в тоже время при определенных обстоятельствах представляется самоуправством. При этом, возникает конкуренция ст. ст. 179 и 330 УК РФ.

Рассмотрим различия между указанными составами преступлений. Прежде всего, осознание различий между данными составами следует начать с того, что самоуправство может быть совершенно непосредственно как руками виновного,

так и руками потерпевшего. В то же время, состав преступления, предусмотренный ст. 179 УК РФ, предполагает, что данное деяние непосредственно может быть совершено только руками потерпевшего. Ст. 179 УК РФ в своей сути имеет то, что именно потерпевший заключает сделку, но находясь под принуждением. Кроме того, ст. 179 УК РФ устанавливает ответственность и за принуждение к отказу в совершении сделки.

При этом, ключевое отличие здесь в том, что ст. 179 УК РФ предполагает деяния, в которых потерпевший и виновный до совершения преступления не находились в каких-то специальных правоотношениях по поводу конкретного имущества. Иными словами, ст. 179 УК РФ закрепляет ответственность именно за то, что своими действиями виновный принуждает потерпевшего к созданию, изменению либо прекращению определенных правоотношений в то время, как виновный в преступлении, предусмотренном ст. 330 УК РФ, уже находится в мнимых или действительных отношениях с потерпевшим по данному имуществу, и его действия направлены именно на реализацию этих отношений, но не в порядке, установленном законом [16, с. 1433].

То есть, ст. 179 УК РФ предусматривает деяния, где виновный стремится создать определенные правоотношения (либо воспрепятствовать их созданию), а ст. 330 УК РФ – где виновный пытается реализовать уже существующее или мнимое право, которое предшествовало правонарушению.

Иными словами, ключевое значение при отграничении ст. 330 УК РФ от ст. 179 УК РФ имеют именно уже сложившиеся отношения, предшествующие событию преступления. То есть, самоуправство может быть совершено путём склонения лица к заключению сделки, подписанию договора, составления расписки, но, состав самоуправства будет иметь место только в том случае, если отношения (реальные или мнимые обязательства) имели место до совершения противоправных действий.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что состав преступления, предусмотренный ст. 330 УК РФ, по признакам объективной стороны крайне схож с составами преступлений, предусмотренными ст. 163 УК РФ и ст. 179 УК РФ, и ряда других составов. Более того, фактически совершаемые действия могут быть одинаковыми при совершении любого из указанных преступлений. При этом, особое значение имеет наличие такого обстоятельства, как предшествующие отношения, имевшие или имеющие место между субъектом преступления и потерпевшим, связанные с предметом преступления.

В связи с этим, необходимо отметить, что законодатель, как представляется, не вполне удачно сформулировал ст. 330 УК РФ, не закрепив в ней положения о том, что у субъекта должно быть мнимое или существующее право на имущество, на которое он посягает в ходе совершения самоуправства, а ведь это крайне значимый признак, который и позволяет отграничивать самоуправство от ряда других составов.

3.2 Отграничение самоуправства от превышения должностных полномочий

Значительные вопросы в теории и правоприменении вызывает отграничение самоуправства от превышения должностных полномочий.

Если самоуправные действия совершает должностное лицо, его действия следует квалифицировать по ст. 285, 286, 203 УК РФ.

Понятие «должностное лицо» раскрывается в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Данная дефиниция относится ко всем составам преступлений, включенным в главу 30, соответственно, и к ст. 286 УК РФ.

Под должностным лицом, по смыслу данного примечания следует понимать следующие категории лиц:

- выполняющего функции представителя власти, независимо от того постоянно, по специальному полномочию или временно;
- наделенного административно-хозяйственными функциями или организационно-распорядительными функциями государственных органах или учреждения;
- служащие вооруженных сил либо иных войск, а также воинских формирований.

Необходимо отметить, что в определении представителя власти, содержащегося в примечании к ст. 318 УК РФ указано, что данная дефиниция распространяется и на другие статьи УК РФ, где используется данный термин. В то время как из дефиниции должностного лица следует, что она применяется только в отношении норм, расположенных в гл. 30 УК РФ. Следует заметить, что термин «должностное лицо» используется также и за пределами гл. 30 УК РФ, как то в ст. ст. 140 УК РФ, 215.1 УК РФ, п. а ч. 2 ст. 226.1 УК РФ, п. б ч. 2 ст. 229.1 УК РФ, п. а ч. 2 ст. 243.3 УК РФ. Поэтому, здесь вполне логично встает вопрос, что понимать под термином «должностное лицо» в указанных статьях. Представляется, что для устранения законодательного пробела необходимо распространить действие определения «должностное лицо» не только на статьи главы 30, но и на все нормы УК РФ.

Согласно примечанию к ст. 318 УК РФ, к представителям власти относятся две группы должностных лиц:

- должностные лица правоохранительных или контролирующих органов;
- иные должностные лица, наделенные в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости.

Следует заметить, что в каждом из вышеназванных видов должностных лиц, относящихся к представителям власти, имеются недостатки.

Во-первых, используя в определении такие термины как, «правоохранительные» и «контролирующие» органы, законодатель не учел того, что в российском законодательстве отсутствует расшифровка данных понятий, а в юридической науке нет их единообразного толкования.

В юридической литературе нет единства мнений относительно понятия и системы правоохранительных органов. Большинство авторов определяют понятие «правоохранительные органы» через категорию «правоохранительная

деятельность», что представляется вполне обоснованным.

Правоохранительная деятельность – это предусмотренная действующим законодательством государственная или санкционированная государством деятельность, осуществляемая, как правило, в определенном процессуальном порядке специально уполномоченными на то субъектами и связанная с применением законных мер государственного принуждения и направленная на охрану и защиту прав граждан, юридических лиц и государства, и обеспечение выполнения ими своих обязанностей.

Соответственно, «правоохранительные органы – это специальные государственные органы, профессиональные объединения и особые физические лица, которые в силу закона и имеющегося у них правового статуса должны осуществлять в определенном объеме правоохранительную деятельность.

Что касается круга органов, относящихся к правоохранительным, то в большинстве случаев к ним относят следующие органы:

- суд;
- прокуратура;
- органы предварительного расследования: органы внутренних дел, органы государственной безопасности, таможенные органы и другие;
- органы юстиции.

Вместе с тем, при таком подходе спорным является вопрос об отнесении к числу правоохранительных органов нотариата и адвокатуры.

Говоря о нотариате, следует отметить, что сама по себе нотариальная деятельность непосредственно правоохранительной не является. Но она обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Поэтому правоохранительная деятельность нотариата начинается там, где происходит изменение прав и обязанностей лиц, возникает необходимость восстановления и подтверждения имевшихся прав, осуществляется реализация волеизъявления отсутствующих или умерших лиц.

Что касается адвокатуры, то она обеспечивает реализацию права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированной государством. Таким образом, оказание квалифицированной юридической помощи и юридических услуг по защите и обеспечению прав граждан и юридических лиц на основе закона и в установленном процессуальном порядке, в определенных случаях, позволяет отнести адвокатуру к правоохранительной организации, которой государство делегировало право и обязанность организовать и обеспечить выполнение этой функции.

Есть и противоположная точка зрения, согласно которой адвокатура не является правоохранительным органом. Адвокатура – правозащитная организация, одной из важных функций которой является организация правозащиты граждан и юридических лиц. Понятие «правозащита» более значительно, чем «правоохрана», и предполагается только в том случае, когда нарушено право. Правоохрана осуществляется всегда и включает в себя комплекс мероприятий, проводимых государством по охране и в случае нарушения защиты права. Адвокат же как член адвокатского образования не наделен властными

полномочиями, он действует на принципиально иной основе.

Ряд ученых практически отказались от идеи привести полный перечень органов, относящихся к правоохранительным. Они предлагают при отнесении того или иного органа к числу правоохранительных, исходить из видов правоохранительной деятельности. Причем, в качестве видов правоохранительной деятельности называются:

- конституционный контроль;
- осуществление правосудия;
- прокурорский надзор;
- раскрытие и расследование преступлений;
- оказание квалифицированной юридической помощи и юридических услуг по защите и обеспечению прав;
- обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что у правоприменителя при использовании данного понятия в процессе уяснения смысла некоторых статей уголовного кодекса неизбежно должны возникнуть проблемы.

Казалось бы, что прояснить сложившуюся ситуацию можно путем анализа использования этого термина законодателем, однако и это не представляется возможным, поскольку в российском законодательстве данное понятие используется бессистемно и без учета его особенностей. Так, например, при анализе отдельных нормативных актов можно увидеть, что в отношении тех органов, которые бесспорно относятся к правоохранительным, отсутствуют прямые указания на данный признак. И, наоборот, в отношении органов, отнесение которых к правоохранительным вызывает дискуссии, есть прямые указания на то, что они являются правоохранительными.

Так, например, в соответствующих федеральных законах, мы не найдем прямых указаний на то, что данные органы являются правоохранительными, хотя в сознании именно эти органы бесспорно ассоциируются с понятием правоохранительных органов.

Практически идентичная ситуация сложилась и с контролирующими органами. Основной признак любого контролирующего органа выражается в выполнении этим органом контрольных функций, вместе с тем, он не содержится в действующем законодательстве.

На основании всего вышеизложенного, представляется необходимым либо закрепить на законодательном уровне определение правоохранительных и контролирующих органов, а также исчерпывающий перечень таких органов, либо исключить из определения представителя власти указание на принадлежность лиц к данным органам.

Также следует отметить, что в специальной литературе предпринимались попытки провести разграничения между правоохранительными и контролирующими органами, что, однако, представляется малозначимым для уголовно-правового аспекта данного вопроса.

В целом, в данном случае, наблюдается достаточно простая «диада» – лицо

наделено определенными должностными полномочиями, и лицо такие полномочия явно превышает. Соответственно, при наличии к тому оснований, лицо может выступать субъектом преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ.

Однако, если сотрудник (работник) органов внутренних дел не наделен управленческими или организационно-распорядительными полномочиями, он не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ.

В данном случае речь идет о гражданах – работниках органов внутренних дел, не имеющих специальных званий сотрудников полиции. Например, лицо работает по трудовому договору в органах внутренних дел на должности программиста. Такое лицо не наделено управленческими, организационно-распорядительными и тому подобными полномочиями, в его трудовые обязанности входит не исполнение административного или уголовного законодательства, а обеспечение надлежащего функционирования информационных компьютерных систем органов внутренних дел, средств электронной коммуникации. Соответственно, если такой работник совершит, например, насильственные действия, связанные с незаконным административным задержанием лица, и, необоснованно применив к нему насилие, доставит его в помещение органов внутренних дел, он не будет субъектом преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ. Если же аналогичные действия, например, совершит участковый уполномоченный полиции, он при наличии иных признаков преступления, может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 286 УК РФ.

Исходя из изложенного, в число лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 286 УК РФ, не входят граждане, выполняющие управленческие, организационно-распорядительные и тому подобные полномочия в коммерческих организациях. Такие лица при наличии к тому оснований могут быть привлечены к уголовной ответственности по нормам, включенным в главу 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» [14, с. 738].

С объективной стороны, разграничиваемые преступления представляют собой материальные составы, причем последствия обозначаются в диспозициях статей одинаковым термином – «существенный вред», различаются только лица, которым этот вред причиняется: в ст. 286 УК РФ – это «граждане или организации либо общество или государство», а в ст. 330 УК РФ предполагается, что это «граждане и организации».

Оспариваемость, как обязательный признак самоуправства, не выдвигается в составе ст. 286 УК РФ, поскольку должностное лицо осуществляет свои полномочия в сфере публичного права, для которого и так характерна формула «все, что не разрешено, запрещено». Таким образом, выдвигание требования оспариваемости для состава ст. 286 УК РФ представляло бы собой простое повторение, что не соответствовало бы принципу законодательной экономии. Следовательно, при определении того, является ли совершенное деяние самоуправством, допустимо руководствоваться разъяснениями высшей судебной инстанции, касающимися превышения должностных полномочий (безусловно, с

учетом специфики субъекта): это те действия, которые относятся к полномочиям другого должностного лица либо могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте, а также действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершить.

В целом, детальное исследование сравниваемых составов позволяет сделать вывод, что самоуправство представляет собой, по сути, превышение полномочий, совершенное подвластным субъектом (в отличие от ст. 286 УК РФ, в которой обязательным является специальный субъект – должностное лицо).

Выводы по разделу 3

Состав преступления, предусмотренный ст. 330 УК РФ, по признакам объективной стороны крайне схож с составами преступлений, предусмотренными ст. 163 УК РФ и ст. 179 УК РФ, и ряда других составов. Более того, фактически совершаемые действия могут быть одинаковыми при совершении любого из указанных преступлений. При этом, особое значение имеет наличие такого обстоятельства, как предшествующие отношения, имевшие или имеющие место между субъектом преступления и потерпевшим, связанные с предметом преступления.

Детальное исследование составов преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ и ст. 286 УК РФ, позволяет сделать вывод, что самоуправство представляет собой, по сути, превышение полномочий, совершенное подвластным субъектом (в отличие от ст. 286 УК РФ, в которой обязательным является специальный субъект – должностное лицо).

В целом, необходимо отметить, что законодатель, как представляется, не вполне удачно сформулировал ст. 330 УК РФ, не закрепив в ней положения о том, что у субъекта должно быть мнимое или существующее право на имущество, на которое он посягает в ходе совершения самоуправства, а ведь это крайне значимый признак, который и позволяет отграничивать самоуправство от ряда других составов. Соответственно, требуются изменения нормы, которые позволят индивидуализировать самоуправство среди иных деяний, ответственность за которые предусмотрена УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в данной выпускной квалификационной работе исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Самоуправство – это не только наказуемое деяние, но и явление, имеющие глубокие исторические корни, в разные периоды по-разному определялось понятие самоуправство и круг действий, которые считались самоуправными, только расширялся. В период советской власти, самоуправство считалось преступлением, подрывающим правопорядок и ослабляющее авторитет власти. Именно в советский период, понятие самоуправства было приближено к ныне действующему, установленному УК РФ. В дальнейшем, формальный состав был заменен на материальный.

Взгляды исследователей на понятие самоуправства весьма неоднозначны. Данный состав преступления содержит признаки, совокупность которых приводит к наступлению уголовной ответственности: самовольное осуществление прав, вопреки установленному порядку; правомерность данных действий должны оспариваться организацией или гражданином в судебном, административном или ином порядке; данные действия должны нанести существенный вред.

У исследователей нет единства взглядов на число и название элементов частной криминалистической характеристики преступления, нет и общепризнанного мнения о числе и названии элементов криминалистической характеристики в общем, и самоуправства, в частности. В ходе исследования были выделены и проанализированы следующие элементы криминалистической характеристики самоуправства: способ совершения самоуправства; механизм следообразования; личность преступника и потерпевшего; обстоятельства, подлежащие установлению.

Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ, является установленный порядок осуществления прав и исполнения обязанностей. Дополнительный объект самоуправства альтернативен, и в целом, он зависит от того, каким интересам причинен вред в результате совершения преступления.

Объективная сторона самоуправства выражается в самовольном, вопреки установленному законом порядку, совершении определенных действий, правомерность которых оспаривается. При этом, обязательный признак объективной стороны самоуправства – общественно-опасные последствия, представленные в виде причинения существенного вреда, и причинная связь между произведенными действиями и последствиями.

Субъект самоуправства, общий – это вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона самоуправства характеризуется прямой или косвенной умышленной виной.

Квалифицированный состав данного преступления образует самоуправство, совершенное с применением насилия или угрозой его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ). Насилие будет расцениваться в качестве способа совершения самоуправства, если оно осуществляется до или во время реализации умысла на самоуправство в

целях подавления воли потерпевшего, понуждения к выполнению предъявленных ему требований. Угрозу применения насилия в самоуправстве следует понимать, как выраженное в любой форме: словесной, письменной или в демонстрации действий, намерение совершить какие-либо насильственные действия в отношении потерпевшего. Угроза применения насилия должна быть реальной.

Состав преступления, предусмотренный ст. 330 УК РФ, по признакам объективной стороны крайне схож с составами преступлений, предусмотренными ст. 163 УК РФ и ст. 179 УК РФ, и ряда других составов. Более того, фактически совершаемые действия могут быть одинаковыми при совершении любого из указанных преступлений. При этом, особое значение имеет наличие такого обстоятельства, как предшествующие отношения, имевшие или имеющие место между субъектом преступления и потерпевшим, связанные с предметом преступления.

Детальное исследование составов преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ и ст. 286 УК РФ, позволяет сделать вывод, что самоуправство представляет собой, по сути, превышение полномочий, совершенное подвластным субъектом (в отличие от ст. 286 УК РФ, в которой обязательным является специальный субъект – должностное лицо).

Законодатель, как представляется, не вполне удачно сформулировал ст. 330 УК РФ, не закрепив в ней положения о том, что у субъекта должно быть мнимое или существующее право на имущество, на которое он посягает в ходе совершения самоуправства, а ведь это крайне значимый признак, который и позволяет отграничивать самоуправство от ряда других составов.

Соответственно, требуются изменения нормы, которые позволят индивидуализировать самоуправство среди иных деяний, ответственность за которые предусмотрена УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63–ФЗ (с изм. на 31.07.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 26. – Ст. 2458.
3. Гражданский кодекс РФ (части первая от 30.11.1994 г. № 51–ФЗ (с изм. на 31.07.2020 г.), вторая от 26.01.1996 г. № 14–ФЗ (с изм. на 27.12.2019 г.), третья от 26.11.2001 г. № 146–ФЗ (с изменениями на 18.03.2019 г.) и четвертая от 18.12.2006 г. № 230–ФЗ (с изменениями на 18.07.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301, 1996. – № 5. – Ст. 410, 2001. – № 49. – Ст. 4552, 2006. – № 52. – Ст. 5496.
4. Алгазин, И.И. Об эффективности криминалистической характеристики преступлений отдельных видов и групп / И.И. Алгазин // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – № 4. – С. 466–471.
5. Аминова, А.А. Проблемы разграничения вымогательства и самоуправства по российскому уголовному законодательству / А.А. Аминова // Академия педагогических идей Новация. Серия: научный вестник. – 2019. – № 4. – С. 286–289.
6. Антонов, О.Ю. К вопросу о понятиях механизма и криминалистической характеристики (модели) преступлений и преступной деятельности / О.Ю. Антонов // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – № 2. – С. 111–113.
7. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства. Приемы и рекомендации / Р.С. Белкин – М.: Юристь, 1997. – 618 с.
8. Боден, Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 1. – М., 2004. – 564 с.
9. Ганаева, Е.Э. Уголовная ответственность за самоуправство / Е.Э. Ганаева // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 12. – С. 105–106.
10. Григорьева, Ю.В. Методика расследования самоуправства: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ю.В. Григорьева. – Краснодар, 2010. – 212 с.
11. Дудырева, М.А. Актуальные проблемы квалификации самоуправства / М.А. Дудырева // Сборник материалов VI Международного научного фестиваля. – М., 2019. – С. 92–95.
12. Зацепин, А.М. Отграничение вымогательства от грабежа, разбойного нападения и самоуправства / А.М. Зацепин, О.В. Филиппова // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 1. – С. 208–210.
13. Земцова, С.И. Содержание криминалистической характеристики преступления как предмет научной дискуссии / С.И. Земцова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 2. – С. 25–29.
14. Исаев, Н.Д. Проблемы квалификации превышения должностных полномочий /

- Н.Д. Исаев // Научный аспект. – 2020. – № 2. – С. 737–741.
15. Карлов, В.П. Проблемы квалификации самоуправства, совершенного в соучастии / В.П. Карлов, С.В. Дубовиченко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – № 3. – С. 134–140.
 16. Касницкая, И.Ю. Уголовно-правовая характеристика самоуправства и его отграничение от смежных составов преступлений / И.Ю. Касницкая // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2017. – № 31. – С. 1431–1435.
 17. Локоткова, Е.А. Проблемы разграничения вымогательства и самоуправства в российском уголовном праве / Е.А. Локоткова, А.В. Шигуров // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики: материалы научно-практической конференции. – М., 2016. – С. 116–120.
 18. Лохвицкий, А. Курс уголовного права. Особенная часть (по изданию 1865 г.) / А. Лохвицкий // СПС «Гарант»
 19. Мельник, Н.В. Особенности квалификации самоуправства / Н.В. Мельник // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 110–115.
 20. Меньшагин, В.Д. Преступления против порядка управления / В.Д. Меньшагин. – М.: Юр. изд. НКЮ СССР, 1945. – 184 с.
 21. Мазец, А.А. Разграничение превышения должностных полномочий со смежными составами / А.А. Мазец // Новые технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – М., 2018. – С. 99–103.
 22. Назаров, С.С. Актуальные проблемы состава преступления по статье самоуправство / С.С. Назаров // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований: сборник статей международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 126–127.
 23. Носов, Н.Е. Вымогательство и самоуправство: сходные и разграничительные признаки / Н.Е. Носов // Национальная Ассоциация Ученых. – 2016. – № 10. – С. 74–76.
 24. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1997. – 987 с.
 25. Потапов, С.А. Понятия и соотношения уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступления / С.А. Потапов // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – № 11. – С. 336–345.
 26. Пребышевский, Н.А. Дифференциация уголовной ответственности за самоуправство / Н.А. Пребышевский // Вестник международного Института управления. – 2018. – № 2. – С. 28–30.
 27. Пребышевский, Н.А. Самоуправство: некоторые вопросы квалификации / Н.А. Пребышевский // Инновации в образовании, науке и экономике: от частного (российская практика) к общему (мировой опыт). Сборник

- материалов Международной научно–практической конференции. – М., 2018. – С. 181–183.
- 28.Примов, Д.Р. Генезис нормы о самоуправстве в период феодальной раздробленности / Д.Р. Примов // Материалы II Международной научной конференции. – Тамбов, 2018. – С. 365–367.
- 29.Примов, Д.Р. К вопросу об объекте самоуправства / Д.Р. Примов // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 509–511.
- 30.Примов, Д.Р. К вопросу об уголовной ответственности за самоуправство по нормативным правовым актам московского государства / Д.Р. Примов // Актуальные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики. Материалы международной научно–практической конференции. – М., 2018. – С. 91–93.
- 31.Примов, Д.Р. Признаки субъективной стороны состава самоуправства / Д.Р. Примов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 7. – С. 165–168.
- 32.Примов, Д.Р. Проблемы практики применения уголовно–правовой нормы о самоуправстве / Д.Р. Примов // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 6. – С. 159–162.
- 33.Примов, Д.Р. Развитие нормы о самоуправстве в советский период / Д.Р. Примов // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 4. – С. 117–120.
- 34.Примов, Д.Р. Уголовная ответственность за самоуправство: некоторые проблемы теории и практики / Д.Р. Примов // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 6. – С. 124–130.
- 35.Пузанов, И.А. Цель как один из признаков состава преступления самоуправства / И.А. Пузанов // Интернаука. – 2019. – № 31. – С. 50–51.
- 36.Сафаров, В.Р. Разграничение преступлений против собственности от самоуправства / В.Р. Сафаров, Т.Д. Харрасов // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей. – М., 2020. – С. 146–149.
- 37.Степанов, С.А. Типовая криминалистическая характеристика как информационная модель преступления / С.А. Степанов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы международной научно–практической конференции. – М., 2019. – С. 111–113.
- 38.Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть 1 (по изданию 1864 г.) / Н.С. Таганцев – М.: Юрайт, 2019. – 598 с.
- 39.Толонбаев, У.С. Объективные и субъективные признаки самоуправства / У.С. Толонбаев // Наука, новые технологии и инновации. – 2016. – № 10. – С. 217–219.
- 40.Файзуллина, А.А. Значение криминалистической характеристики в расследовании преступлений / А.А. Файзуллина, Ф.Ф. Шаихов // Аллея науки. – 2018. – № 11. – С. 641–645.

41. Фойницкий, И.Я. Курс русского уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные (по изданию 1900 г.) / И.Я. Фойницкий // СПС «Гарант»
42. Хомутов, М.В. Эволюция юридической ответственности за самоуправство (X – XIX века) в контексте современного состояния уголовной политики / М.В. Хомутов // Общество и право. – 2016. – № 3. – С. 89–93.
43. Хомутов, М.В. Юридическая ответственность за самоуправство в дореволюционный период развития российского права / М.В. Хомутов // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 265–267.
44. Цыбулевский, М.М. Статья 103 УК в применении к земельным спорам / М.М. Цыбулевский // Вестник советской юстиции. – 1925. – № 21. – С. 837–839.
45. Чичерин, Б.Н. История политических учений. Часть 1: Древность и средние века / Б.Н. Чичерин (по изданию 1869 г.) // СПС «Гарант»
46. Шушакова, Е.А. Самоуправство: разграничение уголовной и административной ответственности / Е.А. Шушакова // Аллея науки. – 2017. – № 15. – С. 561–565.

Материалы судебной практики

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. – 2017. – 11 декабря.
48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм. от 29.11.2016 г.) // СПС «Гарант»
49. Приговор Магаданского городского суда (Магаданская область) от 16.01.2019 г. по делу № 1–23/2019 // СПС «Гарант»
50. Приговор Советского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) от 22.03.2017 г. по делу № 1–18/2017 // СПС «Гарант»
51. Приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда (Волгоградская область) от 30.07.2019 г. по делу № 1–260/2019 // СПС «Гарант»
52. Приговор Центрального районного суда г. Читы (Забайкальский край) от 26.07.2019 г. по делу № 1–902/2019 // СПС «Гарант»
53. Приговор Курчатковского районного суда г. Челябинска (Челябинская область) от 07.06.2019 г. по делу № 1–188/2019 // СПС «Гарант»
54. Приговор Миасского городского суда (Челябинская область) от 29.05.2017 г. по делу № 1–118/2017 // СПС «Гарант»
55. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область) от 22.01.2020 г. по делу № 1–1139/2019 // СПС «Гарант»
56. Приговор Еткульского районного суда (Челябинская область) от 23.12.2019 г. по делу № 1–131/2019 // СПС «Гарант»

ПРИЛОЖЕНИЕ А
Анализ уголовных дел по ст. 330 УК РФ

Статистика уголовных дел по ст. 330 УК РФ, в целом по Российской Федерации представлена в Таблице А. 1

Таблица А. 1 – Статистика уголовных дел по ст. 330 УК РФ, в целом по Российской Федерации (за 2017 – 2019 гг.)

Год	Показатель	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Штраф
2019	ч. 1 ст. 330 УК РФ	294	3	0	0	0	109
	ч. 2 ст. 330 УК РФ	403	1	141	230	1	4
2018	ч. 1 ст. 330 УК РФ	408	1	1	0	2	140
	ч. 2 ст. 330 УК РФ	401	0	120	245	1	3
2017	ч. 1 ст. 330 УК РФ	416	0	0	0	1	155
	ч. 2 ст. 330 УК РФ	463	1	152	268	0	5

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
Уголовные дела по ст. 330 УК РФ, по Челябинской области

Статистика уголовных дел по ст. 330 УК РФ, по Челябинской области, представлена на диаграмме рисунка Б. 1

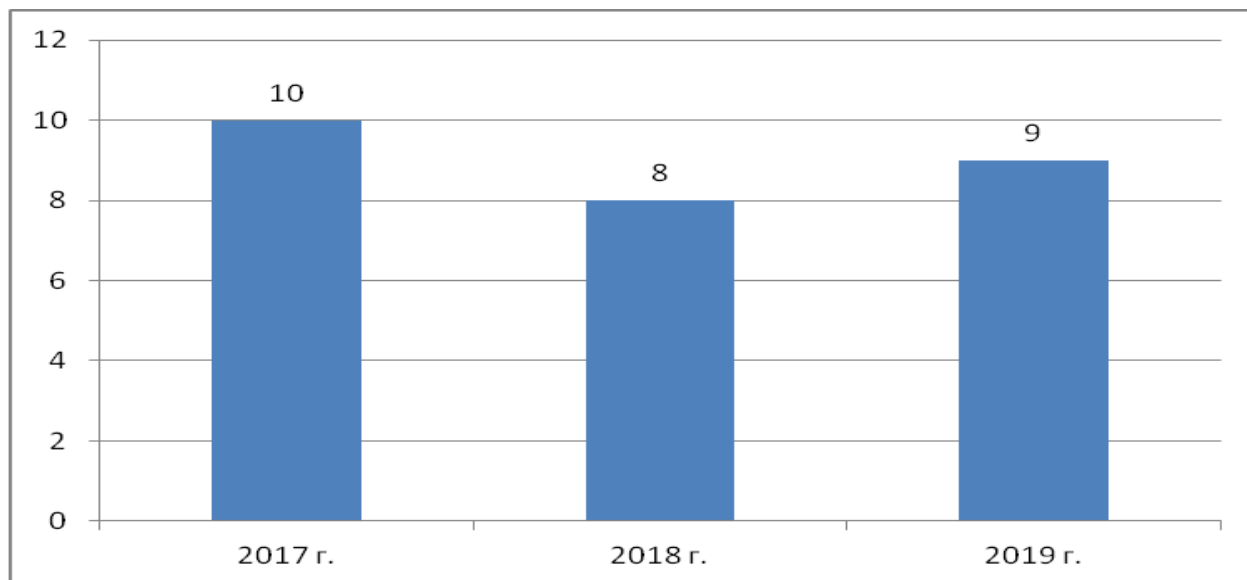

Рисунок Б. 1 – Статистика уголовных дел по ст. 330 УК РФ, по Челябинской области (за 2017 – 2019 гг.)